

Т Р У Д Ы

ОРЛОВСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ГОРОДА КАРАЧЕВА.

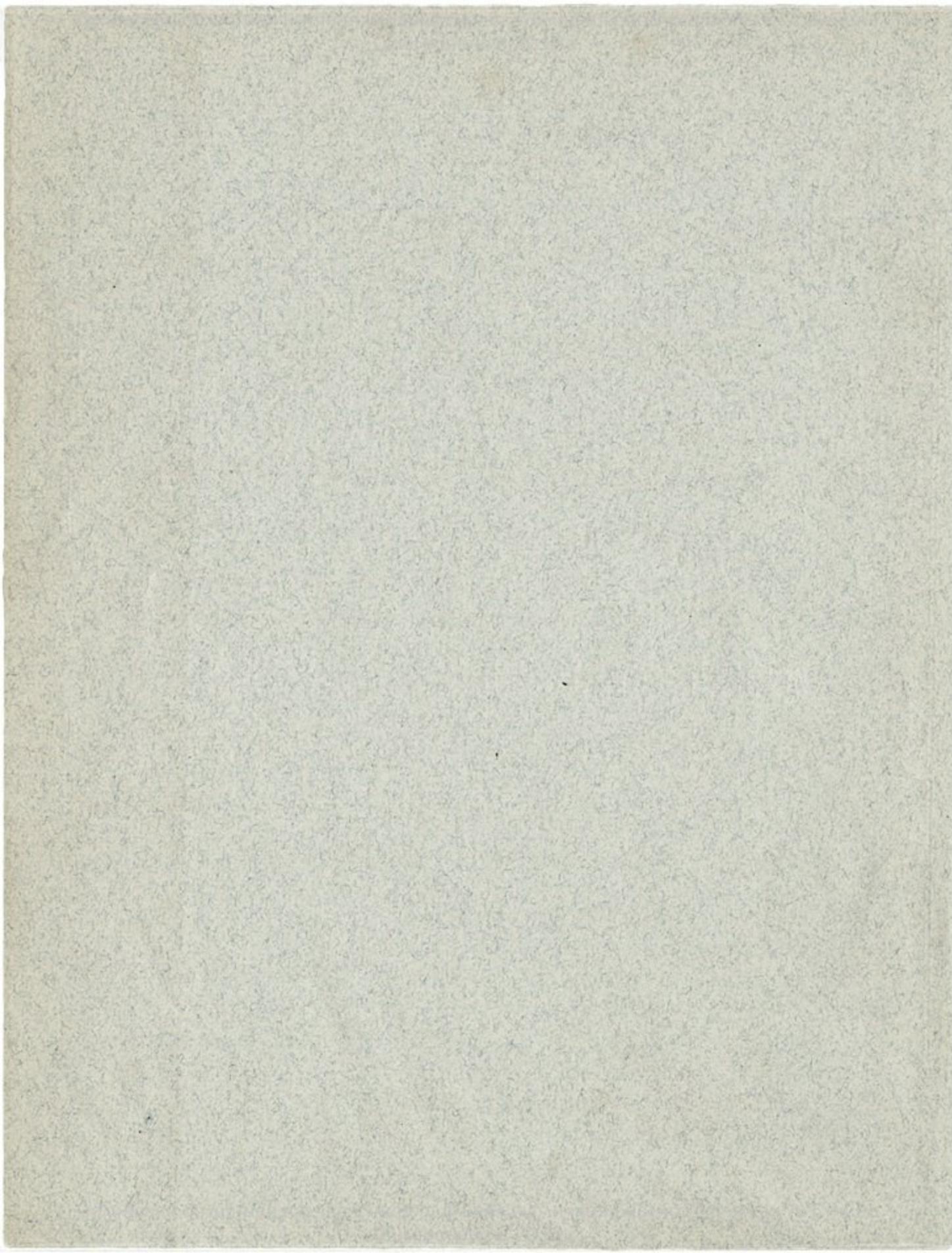
ЧАСТЬ 1-Я

Составили Члены Комиссіи: { Г. Пясецкій
и
В. Никольскій.

ОРЕЛЬ.

Типографія Губернскаго Правленія.

1888 г.

1764

Т Р У Д Ы

ОРЛОВСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ

ВЫПУСКЪ 2-й.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ГОРОДА КАРАЧЕВА

ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ И ЦЕРКОВНОМЪ ОТНОШЕНІИ.

ЧАСТЬ 1-Я.

Съ древнѣйшихъ временъ до совершеннаго раззоренія
г. Карачева въ смутное время (1618 г.).

СОСТАВИЛИ:

Члены Орловской Ученой Архивной Коммисіи

Г. Пясецкій и В. Никольскій.

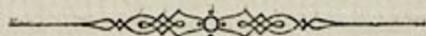
ОРЕЛЪ

Типографія Губернскаго Правленія.

1888.

Оглавленіе 1-й части.

- I. Древность города Карачева.
- II. Исторически-достоверныя свѣдѣнія о городѣ Карачевѣ въ эпоху удѣльнаго періода.
- III. Періодъ Монгольскаго и Литовскаго владычества надъ г. Карачевомъ.
- IV. Время Крымскихъ набѣговъ на окрестности г. Карачева въ первое время Московской зависимости.
- V. Бѣдствія смутнаго времени для г. Карачева и его уѣзда.

Историческіе очерки города Карачева.

І.

ДРЕВНОСТЬ ГОРОДА КАРАЧЕВА.

Названіе г. Карачева.—Характеръ Аварскаго и Козарскаго владычества надъ древними обитателями г. Карачева.—Начало Русскаго владычества надъ Вятичами.—Заставы въ окрестностяхъ Карачева.—Соловей-разбойникъ, рѣка Смородина и село Девяти-Дубы.

Городъ Карачевъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ городовъ нашего отечества, которые своею древностію превосходятъ самое Русское государство. О древности этого города свидѣтельствуеетъ самое его названіе *Кара—чевъ*,—что съ турскаго языка значитъ—*черный лѣсъ*. Такое названіе, по всей вѣроятности, усвоено было Карачеву Аварами, господствовавшими въ предѣлахъ Россіи со времени „Великаго переселенія народовъ“,—или же Козарами, владѣнія которыхъ, въ VIII вѣкѣ по Р. Христов., простирались отъ юго-восточныхъ береговъ Чернаго моря до Волги и отъ Каспійскаго моря до верховьевъ Оки, а съ подчиненіемъ южно-русскихъ славянскихъ племенъ—до береговъ Днѣпра; въ числѣ послѣднихъ племенъ были и первоначальные обитатели нашего края Вятичи съ г. Карачевомъ.

Преподобный Несторъ, первый русскій лѣтописецъ, съ особенною выразительностію передаетъ намъ о жестокомъ и надолго памятномъ для славянъ господствѣ Аваръ или Обровъ; эти, по замѣчанію лѣтописца, „тѣломъ велици, а умомъ горди“ варвары, „аще поѣхати бже, не даваше впрячи ни коня, ни вола; повеляше впрячи три, или четыре, или пять женъ въ телѣгу, и повести Обрина“¹⁾. Такими грубыми насиліями и ограничиваются всѣ лѣтописныя свѣдѣнія о господствѣ Обровъ, по поводу безслѣднаго исчезновенія которыхъ сложилась на Руси пословица, записанная лѣтописцемъ: „погибоша аки Обри, ихъ же нѣсть ни племени наслѣдокъ“²⁾.

Козары, по характеру своего владычества надъ славянами, не походили на своихъ бродячихъ предшественниковъ, оставлявшихъ по себѣ одни слѣды насилія. Козары требовали отъ подвластныхъ имъ славянскихъ племенъ одной дани, во-время и безъ насилій собиравшейся сперва „по бѣлѣ и веверицѣ отъ дыма“, т. е. по бѣлкѣ и

¹⁾ Лѣтопись Нестора стр. 11.

²⁾ Ibid.

горностаю съ дома; а впоследствии — „по шлягу отъ рала“. Владычество это было тѣмъ сноснѣе и терпимѣе для Вятичей, что Козары владѣли ими только совиѣ и не касались до внутренняго ихъ быта.

Какъ степные и кочевые народы, Авары и Козары нуждались, для своихъ частыхъ передвиженій съ мѣста на мѣсто, въ телѣгахъ, и, вѣроятно, нашъ Карачевъ, расположенный въ полосѣ чернаго лѣса, служилъ для кочевниковъ однимъ изъ тѣхъ пунктовъ, откуда они получали для себя телѣги въ видѣ повинности, вполне возможной для Вятичей въ періодъ ихъ гражданскаго младенчества и первоначальной осѣдлости. По крайней мѣрѣ, сосѣднему съ Карачевомъ городу было усвоено тѣми же народами названіе *Трубчевска*, т. е. города въ телѣжномъ лѣсу. Быть можетъ, и упоминаемое русскимъ лѣтописцемъ „впряганіе“ славянскихъ женщинъ въ телѣги — было ничто иное, какъ насильственное доставленіе телѣгъ посредствомъ многострадальныхъ славянскихъ женщинъ, замѣнявшихъ на этотъ разъ собою какъ бы домашній скотъ. Какъ бы то ни было, только телѣжное производство, на ряду съ добываніемъ мѣховъ, является древнѣйшимъ и обычнымъ занятіемъ обитателей лѣснаго Карачева и его окрестностей. Несомнѣнно однако, что въ эпоху владычества Козаръ Вятичи знали выгоды и земледѣлія; такъ какъ тѣ же Козары нашли возможнымъ впоследствии замѣнить естественную ихъ повинность звѣриными шкурами на дань „по шлягу отъ рала“. На такой дани засталъ Вятичей князь Святославъ Игоревичъ въ 964 году ³⁾.

Дань, которую Вятичи платили Козарамъ *отъ рала*, показываетъ, что въ это время они начали выходить уже изъ чащи лѣсовъ на ихъ окраины и селиться тамъ, гдѣ удобнѣе было распахивать землю и надежнѣе ввѣрять ей сѣмена своего посева. Дѣвственные еще тогда поля наши лучше настоящаго обезпечивали труды земледѣльца; но нельзя думать, чтобы земледѣліе у Вятичей, на первыхъ порахъ осѣдлой ихъ жизни, было развито больше собственныхъ ихъ нуждъ и домашнихъ потребностей, — до сбыта жизненныхъ продовольствій за предѣлы своего племени. Вятичи долго тяготѣли къ лѣсамъ, гдѣ скрывался главный ихъ промыселъ, не требовавшій отъ нихъ столько трудовъ, сколько требуетъ отъ земледѣльца его мирный плугъ, и только впоследствии могли уже пользоваться выгодами хлѣбной торговли.

Добытые въ теченіе зимы и осени мѣха пушныхъ звѣрей, а также медъ и воскъ составляли главный предметъ ихъ торговли по тремъ воднымъ путямъ, сходившимся въ землѣ Вятичей. Ближайшее положеніе Десны, протекавшей въ западныхъ предѣлахъ Вятичей, давало имъ возможность принимать участіе въ торговыхъ походахъ ильменскихъ и другихъ сѣверныхъ племенъ къ Царю-Граду, для сбыта своихъ товаровъ за разныя драгоцѣнности образованной Греціи. Пользуясь впаденіемъ Оки въ Волгу, Вятичи могли на легкихъ ладьяхъ своихъ доплывать до славившагося своимъ богатствомъ и многолюдствомъ Балангіара или Атея, служившаго долгое время столицею и резиденціею

³⁾ Лѣтоп. Нестора, стр. 56.

козарскихъ хановъ ⁴⁾; а по р. Дону—до *знаменитаго Саркела* или Бѣлой Вѣжи, стоявшей на лѣвомъ берегу Дона, близъ впаденія въ него р. Илови, и служившей военною крѣпостью, откуда Козары держали Вятичей въ постоянной зависимости чрезъ весь періодъ своего могущества ⁵⁾. Этотъ послѣдній путь былъ ближе другихъ къ цѣли и притомъ безопаснѣе, почему, вѣроятно, болѣе другихъ путей и привлекалъ къ себѣ Вятичей. Здѣсь ближайшими посредниками въ дѣлѣ торговли являлись для Вятичей сами Козары, у которыхъ, если кто изъ болѣе богатыхъ Вятичей нуждался въ произведеніяхъ греческаго искусства,—можно было достать все, чѣмъ только торговала съ своими сосѣдями Греція, какъ то: разныя паволоки (ткани), пурпуръ, богатая одежда, сукна, сафьянъ, перецъ, вино, плоды и разныя мелочи женскаго туалета, къ которымъ не были равнодушны женщины и въ особенности дѣвушки, любившія щеголять своими уборами во время религіозныхъ празднествъ, общественныхъ игръ и т. п. При посредствѣ Козаръ Вятичи впервые познакомились съ греческими монетами и съ тѣми *шлягами*, которыми (по одному отъ рала) должны были ежегодно платить дань Козарамъ, какъ побѣдителямъ.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что предки наши Вятичи легко мирились съ господствомъ Козаръ, довольствовавшихся только данью и не вмѣшивавшихся во внутреннюю жизнь побѣжденныхъ. Здѣсь, во внутреннемъ своемъ быту, Вятичи управлялись, какъ и прежде, своими родоначальниками и старшинами рода, которые давали имъ судъ и расправу. Вѣдннее господство Козаръ даже содѣйствовало нѣкоторымъ образомъ развитію и большей окрѣплости родовыхъ формъ у Вятичей; оно давало имъ нагляднѣе чувствовать свое единство, побуждало дорожить завѣтными началами племенной жизни и, въ виду различныхъ отношеній къ побѣдителямъ, могло усиливать вліяніе и возвышать авторитетъ самихъ ихъ родоначальниковъ, какъ главъ и князей цѣлаго племени. Вотъ почему племенные князья сохранялись у Вятичей долѣе, нежели у прочихъ славянскихъ племенъ и впоследствии не мало препятствовали господству надъ Вятичами русскихъ князей, имѣвшихъ коснуться при своемъ владычествѣ надъ ними тѣхъ сторонъ ихъ жизни, быта, нравовъ, обычаевъ и самой религіи, которыя не только не были затронуты, но еще взлелѣяны и упрочены подъ двухъ-вѣковымъ владычествомъ Козаръ.

Первымъ завоевателемъ нашихъ предковъ Вятичей считается въ русской исторіи великій князь Святославъ Игоревичъ. Въ 964 году Святославъ Игоревичъ предпринялъ походъ на Оку и Волгу: *И иде, говорить о Святославѣ прец. Несторъ, на рѣку Оку и на Волгу, и налѣзе Вятичи, и рече Вятичамъ: „Кому даете дань?“ они же рѣша: „Козарамъ дань даемъ по шлягу (шлягу) отъ рала“* ⁶⁾. Святославъ побѣдилъ Вятичей; „и покори оныхъ“, говоритъ Татищевъ, „взявъ дань,

⁴⁾ „Описаніе Харькова“ стр. 101; кн. Больш. чертеж. стр. 47—50.

⁵⁾ Метог. popul. т. III стр. 567—568; Карамз. т. I, примѣч. 87, стр. 46—47.

⁶⁾ Россійск. лѣтоп. по Никоновск. списку, ч. I стр. 48; Библиот. Росс. историч. ч. I стр. 56.

возвратился“ 7). Однако самъ Святославъ понималъ непрочность завоеваній на отдаленномъ отъ своей столицы востокѣ, пока не сокрушена здѣсь власть давнишняго соперника русскаго могущества — Козарь, и потому, уже въ слѣдующемъ 965 году, рѣшился предпринять наступательное дѣйствіе противъ Козарь. Счастливый походъ этотъ увѣнчался громкою побѣдою Святослава надъ Козарами, выступившими противъ него „со княземъ своимъ Каганомъ“ и проигравшими, подъ личнымъ его предводительствомъ, генеральную битву въ чистомъ полѣ. Теперь, когда многіе изъ Козарскихъ городовъ — въ томъ числѣ и центръ могущества козарскаго Бѣлая Вѣжа — были взяты и владѣчество Козарь было отброшено на далекое разстояніе, Вятичи уже могли считать себя свободными отъ двухъ-вѣковой козарской зависимости, стоившей имъ не малаго числа мѣховъ и денегъ; но за то они увидѣли себя въ новой зависимости — отъ русскихъ князей. А какъ завѣтною мечтою Вятичей была полная вѣшняя свобода и внутренняя независимость, то они пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы отложиться отъ русскаго вѣшней зависимости и не платить Киеву возложенной на нихъ дани: *Вятичи же усмотря*, читаемъ въ исторіи русскаго Татищева, *что Святославъ пошелъ съ войскомъ къ Дунаю, наки отложились и дани ему не дали* 8). Это заставило Святослава предпринять вторичный походъ для усмиренія Вятичей и снова побѣдить ихъ.

Двукратная побѣда Святослава не привела Вятичей къ совершенной покорности и зависимости отъ русскаго князя; поэтому великимъ кн. Владиміромъ предприняты были еще два похода противъ Вятичей. Приведенные къ покорности первымъ изъ этихъ походовъ, Вятичи въ слѣдующемъ 982 году, снова *заратились*. На этотъ разъ они искали себѣ посторонней помощи и есылались съ степными варварами Печенѣгами, желая заключить съ ними союзъ противъ Владиміра 9). Но Печенѣги, испытавшіе уже на себѣ силу русскаго оружія, отъ союза отказались; Вятичи снова были побѣждены и обложены двойною данью, въ наказаніе за прежній неплатежъ дани и за безпокойный свой характеръ. Такимъ образомъ попытка Вятичей отстоять свою самостоятельность не имѣла успѣха, но за то и покореніе ихъ стоило для русскаго князя столькихъ трудностей и походовъ, сколькихъ не потребовало, кажется, для своего покоренія ни одно изъ славянскихъ племенъ на югѣ Россіи. „Вятичъ же, говоритъ Татищевъ, зачавъ отъ Олга, все воюя, едва Владиміръ совершенно покорилъ“, и прибавляетъ: „отъ того имя ихъ противныя или злыя произошло“ 10).

Если мы отъ лѣтописныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ препод. Несторомъ о борьбѣ Вятичей съ русскими князьями, обратимся къ другимъ памятникамъ народной жизни. — преданіямъ, сказаніямъ, былинному эпосу, знакомящимъ насъ съ доисторическою жизнію

7) Истор. Россійск. Н. В. Татищева, кн. 2, стр. 45.

8) Татищевъ кн. втор. стр. 48.

9) Библиот. Россійск. историч. ч. I стр. 71; Татищ, кн. 2, стр. 62.

10) См. примѣч. его на втор. кн. Истор. Россійск. 27 и 166, стр. 357 и 400.

русскаго народа, съ его былою судьбою,—то здѣсь найдемъ нѣкоторые намеки на то, что роковая борьба Вятичей за независимость близко касалась и нашего Карачева съ его лѣсными окрестностями.

Исторія свидѣтельствуетъ, что Вятичи тотчасъ отложились отъ Кіева, какъ только храбрый Святославъ Игоревичъ, послѣ двухъ побѣдоносныхъ походовъ на Вятичей, ушелъ на Дунай, въ Болгарію. Изъ Болгаріи Святославъ не возвратился, а по смерти его въ Русскомъ государствѣ настали смуты и междоусобія; напомнить о дани Вятичамъ было некому. И вотъ прямоѣзжая дорога къ Кіеву среди Брянскихъ лѣсовъ, по выраженію народной былинны,

„ Закологдѣла,
Закологдѣла дорожка, замуравѣла;
Какъ по той пути-дороженьки
Тридцать лѣтъ никто пѣхотою не хаживалъ,
На добромъ конѣ никто не ѣзживалъ.
А стоятъ тамъ три заставушки великія:
Первая застава—во лѣсахъ во Брянскіихъ.
Грязь топучая, корбѣ зыбучая;
А другая—у березы у поклашня,
У той славной рѣчки у Смородиной,
У того креста у Леванидова,
Воръ сидитъ на трехъ дубахъ да на семи сукахъ,
Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ; . . .
. „¹¹⁾.

Пользуясь временною неурядицею въ Кіевскомъ княжествѣ и собираясь съ силами противъ Владиміра, Вятичи оградили свои предѣлы крѣпостями и заставами, изъ которыхъ первая — „грязь топучая, корбѣ зыбучая“ — была естественною и постоянною союзницею Вятичей; раскинута была эта застава на необозримомъ пространствѣ многихъ сотень верстъ: такъ какъ Брянскіе лѣса составляли съ Муромскими прежде одно непрерывное пространство и представляли, по выраженію лѣтописца, „страну лѣсовъ“, обнимавшую собою нѣсколько нынѣшнихъ губерній.

Подлѣ второй „заставы“, у самаго гнѣзда Соловья-разбойника *течетъ рѣка Смородина широкая, бурливая, струйки ея измѣнчивыя, воды опасливыя*¹²⁾ Хотя *рѣка Смородина* или *Самородина* (сама рождающаяся), подобно древнегреческой рѣкѣ Летѣ, безпощадно поглощающей въ своихъ волнахъ всѣхъ смертныхъ, переплывающихъ ее, — приняла въ нашей литературѣ мифическое значеніе; тѣмъ не менѣе замѣчательно то, что въ 28 верстахъ отъ Карачева есть деревня Смородиновка при рѣчкѣ того же имени. А самое гнѣздо Соловья-разбойника, расположенное, по народ-

¹¹⁾ Книга Былинъ, В. П. Авенаріусъ, стр. 99.

¹²⁾ Русск. Богатыри. Шмидтъ-Москвитиновой, стр. 21.

ной былинь, „на трехъ дубахъ да на семи сукахъ“, а по другимъ вариантамъ этой былины — просто „на девяти дубахъ, что вершинами въ небо ввиваются“¹³⁾, — приурочивается мѣстнымъ народнымъ преданіемъ къ тому самому мѣсту, гдѣ и доселѣ стоятъ деревня Девяти-Дубы или Будогощъ, находящаяся въ 12-ти верстахъ отъ Карачева при безыменномъ ручьѣ. Потому-то и о Соловьѣ-разбойникѣ можно думать, что это былъ не простой атаманъ разбойнической шайки, а властитель темныхъ лѣсовъ съ ихъ беспокойными обитателями — Вятчами, борьба съ которыми стоила Кіеву многихъ трудныхъ походовъ. Побѣда надъ простымъ атаманомъ шайки не подняла бы такъ Ильи Муромца въ глазахъ могучихъ богатырей князя Владиміра и не снискала бы ему столько почета и удивленія въ первопрестольномъ Кіевѣ. Другое дѣло, когда Ильѣ Муромцу удалось доставить плѣнникомъ на великокняжескій дворъ племеннаго князя Вятчей, обладавшаго недоступными лѣсами! Тогда вполне понятными становятся заслуги богатыря и восторги Кіевского князя, пожелавшаго потѣшиться надъ униженнымъ соперникомъ своего могущества. Заставы вражды не могли удержать могучихъ богатырей добраго, ласковаго князя Владиміра — Красное Солнышко: Соловей-разбойникъ былъ побѣжденъ, гнѣздо его разрушено. Но у Соловья-разбойника остались еще, по словамъ былины, зятья его . . . И исторія свидѣтельствуетъ, что послѣ побѣды Владиміра надъ Вятчами, послѣдніе продолжали еще имѣть своихъ собственныхъ князей.

Вятчи въ княженіе Владиміра Святаго не вошли еще надлежащимъ образомъ въ составъ Русскаго государства; они находились лишь въ зависимости отъ него и притомъ чисто внѣшней, основывавшейся на одной дани Кіеву; да и за данью приходилось ходить къ побѣжденнымъ самимъ русскимъ князьямъ „съ дружиной“. Такъ что чрезъ все одиннадцатое столѣтіе Вятчи, имѣя своихъ князей, составляли какъ бы государство въ государствѣ, и ихъ князья не разъ мучили своихъ подданныхъ противъ русской власти. Даже такая доблестная личность, какъ Владиміръ Мономахъ, перечисляя свои труды и бранные подвиги на пользу отечества, упоминаетъ въ числѣ ихъ и о походѣ на Вятчей: *въ Вятчи ходихомъ по двѣ зимы на Ходату и на сына его и по Корьдну* (1084 г.).¹⁴⁾ Полное и окончательное утверженіе русскаго владычества надъ Вятчами относится уже къ началу XII вѣка, когда земля Вятчей, а вмѣстѣ съ нею и городъ Карачевъ вошли въ составъ Сѣверскаго княжества.

¹³⁾ Пѣсни, собранн. В. П. Кирѣевскимъ. т. 4, стр. 3, см. Побывальщина, записани. въ Архангельскомъ уѣзд.

¹⁴⁾ Духовн. Мономаха 35. Истор. Росс. Госуд. Карамзина, т. II стр. 109.

Исторически-достоверныя свѣдѣнія о г. Карачевѣ въ эпоху удѣльнаго періода.

Прибытіе въ г. Карачевъ Сѣверскаго князя Святослава Ольговича. — Сраженіе въ окрестностяхъ Карачева. — Встрѣча велик. князя Изяслава II жителями г. Карачева. — Съѣздъ князей въ Карачевѣ. — Слѣды апостольской дѣятельности св. Кукши въ области г. Карачева. — Послѣдующая судьба этого города.

Первыя достоверныя извѣстія о городѣ Карачевѣ встрѣчаются подь 1146 годомъ лѣтописей, когда онъ, по тогдашнему времени, былъ уже довольно значительнымъ городомъ въ Сѣверской волости.

Въ это время Карачевъ находился во власти Новгородсѣверскаго князя Святослава Ольговича, состоявшаго въ междоусобной войнѣ съ Черниговскими князьями Владиміромъ (своимъ Елецкаго князя Владиміра Ярославича) и Изяславомъ Давыдовичами. Выдержавъ отъ Давыдовичей осаду въ своемъ Новгородѣ-Сѣверскомъ и угрожаемый скорымъ приходомъ велик. кн. Изяслава Мстиславича Кіевскаго, Святославъ, по совѣту преданныхъ ему князей, дядей и дружины, уѣхалъ „въ лѣсную страну — въ Карачевъ“, чтобы отсюда ближе было сносятся съ вѣрнымъ союзникомъ его Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ. вмѣстѣ съ нимъ прибыло въ Карачевъ семейство князя (жена, дѣти и несчастная княгиня жена брата его Игоря, замученнаго Кіевлянами) и часть вѣрной его дружины; остальное войско, за исключеніемъ оставшихся въ Новгородсѣверскѣ, должно было въ слѣдъ за княземъ также выступить къ Карачеву. Не долго однакожь изгнанникъ Святославъ оставался въ Карачевѣ; скоро по уходѣ его изъ Новгородсѣверска, жители послѣдняго сами донесли объ этомъ велик. князю Изяславу и Давыдовичамъ, находившимся тогда въ Путивлѣ. Болѣе другихъ раздосадованный этою вѣстію, Изяславъ Давыдовичъ вызвался въ погоню за Святославомъ и былъ отпущенъ союзниками налегкѣ, безъ возовъ, съ конною лишь дружиною въ 3000 человекъ. Отправясь изъ Путивля, онъ шелъ къ Курску мимо города Сѣвска и Болдина ¹⁵⁾, и

¹⁵⁾ *Болдинъ* — Болдыжъ. Въ Орловской губ. — два Болдыжа: одинъ Брянскаго уѣзд., при рч. Гасамкѣ, въ 22 в. отъ г. Брянска; а другой Дмитровскаго уѣзда, при рч. Нессѣ, въ 4 в. отъ Дмитровска. Послѣдній болѣе соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ похода Изяслава Давыдовича.

такъ какъ нигдѣ до Карачева не ожидалъ себѣ сопротивленія отъ своего врага, то шелъ неосторожно, позволяя значительные разѣзды и безъ того небольшой своей дружинѣ. Такою оплошностію его воспользовался Святославъ Ольговичъ. Захвативъ нѣсколько человекъ изъ его дружины и узнавъ отъ плѣнниковъ о числѣ войскъ своего соперника, Святославъ немедленно выступилъ изъ Карачева и врасплохъ напалъ на Изяслава Давыдовича раньше, чѣмъ подошелъ великій князь. 16 го Января, на разстояніи полудня пути отъ Карачева къ Сѣвску, Святославъ Ольговичъ встрѣтилъ Изяслава Давыдовича „на чистомъ мѣстѣ“, первый завязалъ съ нимъ бой и обратилъ въ бѣгство противника, при чемъ однако и самъ былъ раненъ копьемъ въ руку.

Великій князь и Владиміръ Давыдовичъ, шедшіе въ слѣдъ за Изяславомъ, находились въ Болдинскомъ лѣсу и готовились было обѣдать, когда бѣжавшіе съ поля битвы донесли имъ о пораженіи ихъ союзника. Тогда они немедленно снялись съ мѣста и поспѣшили на встрѣчу къ Изяславу. Здѣсь на каждомъ шагу они видѣли бѣжавшихъ его воиновъ, къ полудню же явился къ нимъ и самъ Изяславъ. Теперь всѣ вмѣстѣ они отправились къ Карачеву; шли весь тотъ день, но немного не дошедши до города, остановились почевать, чтобы съ разсвѣтомъ уже осадить его.

Случилось однако иначе. Святославъ узнавъ, что союзники недалеко отъ города, не рѣшился защищаться, оставилъ Карачевъ на произволъ судьбы и убѣжалъ еще до разсвѣта „за лѣсъ“ къ Козельску, а отсюда въ Дедославль. Карачевцамъ могла угрожать теперь опасность, и потому они рѣшились предотвратить ее полнымъ смиреніемъ: они вышли за городъ на встрѣчу великому князю Изяславу Мстиславичу и просили о милостивомъ сохраненіи ихъ города. Изяславъ далъ имъ миръ и въѣхалъ въ городъ, гдѣ Карачевцы позаботились принять его „со всякою честію“. Послѣ этого, не желая преслѣдовать болѣе Святослава, великій кн. созвалъ на совѣтъ Давыдовичей и здѣсь такъ говорилъ имъ: „Вотъ я сдѣлалъ все, что вы хотѣли: всю область Ольговичей взялъ и отдалъ вамъ, а что было пожитковъ, и то взято; что же будетъ въ этихъ волостяхъ Игорево—рабы, или товаръ какой, то мое; а что будетъ Святославовыхъ рабовъ и товара, то раздѣлимъ на части“. Урядившись такъ образ., Изяславъ оставилъ Карачевъ и ушелъ со своимъ войскомъ въ Кіевъ, а скоро потомъ ушли изъ Карачева и Давыдовичи.

Съѣздъ Черниговскихъ князей въ городѣ Карачевѣ, во главѣ съ великимъ княз. Кіевскимъ, впервые раздвигаетъ предъ русскимъ лѣтописцемъ лѣсныя наши дебри и въ то же время даетъ ему возможность сказать нѣсколько словъ о религіозномъ состояніи нашего края. Поэтому, оставляя на время политическую судьбу г. Карачева, сдѣлавшагося театромъ кроваваго междоусобія въ семьѣ Чернигово-Сѣверскихъ князей, обратимъ вниманіе на религіозно-нравственное состояніе нашихъ предковъ.

Тогда какъ въ области рѣки Днѣпра, съ стольнымъ Кіевомъ во главѣ, со времени Св. Владиміра процвѣтала Христіанская вѣра и благочестіе, въ нашемъ лѣсномъ краѣ долго еще царилъ непроглядная тьма язычества, и благодатные лучи свѣта евангельскаго не доходили до обитателей города Карачева. Преподобный Несторъ, описывая языческіе

правы и обычаи Вятичей, замѣчаетъ, что они оставались вѣрными своему быту даже въ его время, т. е. въ концѣ XI и началѣ XII вѣка; почему летописецъ называетъ ихъ паравѣ со всѣми языческими народами „погаными, невѣдущими закона Божія, но творящими себѣ законъ“¹⁶). А такъ какъ узы, связывавшія нашихъ предковъ съ центромъ политической и религіозной жизни русскаго народа—Кіевомъ, были слишкомъ слабы до самаго конца одиннадцатаго столѣтія, и земля Вятичей не входила еще въ составъ какой-либо русской православной епархіи, то и некому было тогда позаботиться о насажденіи здѣсь христіанства. Въ 1097 году, на съѣздѣ въ Любечѣ, который устроенъ былъ для прекращенія княжескихъ междоусобій, Святославичамъ возвращена была наследственная ихъ волость—Черниговское княжество съ „землею Вятичей“. Первымъ дѣломъ Святославичей былъ дѣлежъ между собою обширной Черниговской волости, причемъ земля Вятичей распалась на части и навсегда уже утратила свою цѣльность; у Вятичей не стало теперь своихъ князей: мѣсто ихъ заняли русскіе князья и посадники; вездѣ начали водворяться русскіе порядки; скоро утратилось самое названіе *Вятичей*, и они слились въ одну великую Русскую семью. Послѣ Любецкаго съѣзда нашъ Карачевъ вошелъ въ составъ Сѣверскаго удѣла Черниговскихъ князей, на долю которыхъ выпала первая забота объ устройствѣ нашего края и о полномъ подчиненіи его русскому владычеству; теперь-то Черниговская епископская кафедра должна была взять на себя великое дѣло распространенія и утвержденія христіанства среди Вятичей, предковъ нашихъ. Но средства Черниговской кафедры были недостатчны; жатва предстояла многая, а дѣлателей было мало, — въ Черниговской епархіи не находилось такихъ людей, которые рѣшились бы взять на себя проповѣдь въ землѣ Вятичей и подготовить ихъ къ принятію евангельской истины. Вотъ почему и послѣ Любецкаго съѣзда, когда могла и должна была начаться просвѣтительная дѣятельность Черниговскихъ архимонаховъ въ землѣ невѣрныхъ Вятичей, проходили годы за годами, а не являлся еще среди нашихъ предковъ проповѣдникъ съ истинно-апостольскимъ самоотверженіемъ.

Между тѣмъ, по особому дѣйствию Промысла Божія, въ Кіево-Печерской обители — этомъ разсадникѣ вѣры и благочестія—получалъ воспитаніе и приготовлялся дивный проповѣдникъ и чудотворецъ — св. Кукша. Жизнь этого ревнителя вѣры извѣстна только по отношенію къ апостольскимъ его подвигамъ между Вятичами; а то, откуда онъ былъ родомъ, чей сынъ, когда и по какому случаю оставилъ міръ и вступилъ въ святую Печерскую обитель, отъ кого и когда получилъ священно-иноческій санъ, — все это и многое другое, на что такъ естественно напрашивается благоговѣйная любознательность, остается для насъ тайною, такъ какъ никто еще не приподнялъ историческаго покрывала, скрывающаго отъ насъ чудный ликъ этого угодника Божія.¹⁷

¹⁶) Русск. Лѣтописецъ стр. 12.

¹⁷) Подробнѣе о св. Кукшѣ и его просвѣтительной дѣятельности см. „Очерки религіозно-нравств. состоянія Орловск. края“. Г. Пясецкаго. Орловск. епарх. вѣдомости 1880 и слѣд. год.

Благодаря близости Черниговской каѳедры къ Кіеву, Черниговскіе архіпаствы имѣли возможность часто посѣщать эту столицу, всякій разъ видѣться тамъ съ митрополитомъ и бесѣдовать съ великими подвижниками Кіево-Печерской Лавры, повѣдая имъ глубокую скорбь объ участи своей паствы, коснѣющей въ язычествѣ, и душевное сожалѣніе о томъ, что они одними средствами своей каѳедры, безъ посторонней помощи, не въ состояніи исполнить возложенной на нихъ промысломъ задачи. Когда же, 12-го января 1113 года, игуменъ Кіево-Печерской Лавры Феоктистъ сдѣлался епископомъ Черниговскимъ, то тѣсная духовная связь, въ которой Феоктистъ находился съ братією Печерскаго монастыря во время 40-лѣтняго своего здѣсь пребыванія, не прерывалась имъ и по принятіи святительскаго сана; она дѣлала доступъ его въ эту обитель болѣе свободнымъ, чѣмъ для всякаго другаго, а ходатайство его передъ нею—особенно близкимъ и нравственно-обязательнымъ для благодарнаго ему сердца иноковъ. И вотъ теперь, когда на святительскомъ престолѣ Чернигова сидѣлъ воспитанникъ преподобныхъ Антонія и Феодосія, знаменитый игуменъ и благодѣтель Лавры, предъ нею болѣе, чѣмъ когда-либо, могли выясниться нужды Черниговской каѳедры и встрѣтить живѣйшее съ ея стороны сочувствіе. Призваніе епископа Феоктиста на новое его служеніе церкви становилось задачей и для возрастившей его обители. Въ виду такого сближенія интересовъ Черниговской каѳедры и Печерской обители, еще болѣе дѣлается понятнымъ для насъ то, почему во главѣ просвѣтительной миссіи сталъ священно-инокъ Кіево-Печерской обители св. Кукша и его достойный ученикъ Никонъ, не остававшій отъ своего учителя въ подвигахъ вѣры и рѣшившійся дѣлать съ нимъ не однѣ радости благодатной жатвы, но и неразлучныя съ нею въ суровой странѣ язычниковъ скорби, лишенія и опасности.

Влагочестивое стремленіе иноковъ Печерскаго монастыря и Черниговскихъ святителей къ распространенію вѣры Христовой въ землѣ Вятичей вполне согласовалось съ политическими видами владѣтелей этой страны. Неоспоримо, что Христіанство имѣетъ въ самомъ себѣ великую цивилизующую силу, которую признаетъ за нимъ самая исторія. Оно обуздывало дикіе инстинкты первобытныхъ народовъ, смягчало грубые ихъ нравы, пріучало къ мирной гражданственности и служило для христіанскихъ владѣтелей могучимъ средствомъ къ утвержденію своей власти надъ покоренными языческими племенами. Этого не могли не сознавать и русскіе князья, владѣтели нашихъ предковъ. Долговременное и упорное сопротивленіе Вятичей русской власти, ихъ частыя возстанія и клятвопреступленія должны были убѣдить русскіхъ князей, что пока надъ этимъ племенемъ будетъ тяготѣть язычество, до тѣхъ поръ самая власть ихъ надъ ними будетъ подвергаться разнымъ случайностямъ и колебаніямъ и вообще не сдѣлается прочною и законною. Въ виду этого нѣкоторые историки утверждаютъ, что и Черниговскіе князья не оставались безучастными къ дѣлу просвѣщенія Вятичей и помогали православнымъ миссіонерамъ зависящими отъ нихъ средствами ¹⁸⁾.

¹⁸⁾ Е. Голубинскій. Истор. Р. Церкви, т. I, пер. 1, на стр. 180.

Въ началѣ XII вѣка священно-иннокъ Кукша оставилъ блаженную Печерскую обитель и съ ученикомъ своимъ Никономъ достигъ предѣловъ Вятчей. Здѣсь, какъ можно думать, проповѣдь его началась съ древнѣйшихъ городовъ — Брянска, Карачева и др. и, какъ передаетъ намъ исторія, сопровождалась многими чудесами, такъ необходимыми для тѣхъ, которые по своей грубости, не были еще способны понимать всей силы и дѣйственности ученія Христова и, для убѣжденія въ его истинности, нуждались въ видимыхъ доказательствахъ, потрясающихъ внѣшнія чувства младенчающаго народа. Сила евангельскаго ученія, живое и полное пламенной ревности къ славѣ имени Христова слово проповѣдника, наконецъ, явныя чудеса имѣли свое дѣйствіе на нашихъ предковъ и они были крещены.

Самоотверженная просвѣтительная дѣятельность священно-мученика Кукши и его ученика преподобнаго Никона, запечатлѣнная мученическою ихъ смертію, принесла богатые плоды на нивѣ Божіей. Уже чрезъ 30-ть лѣтъ послѣ выступленія ихъ на апостольскую дѣятельность, вѣра Христова открыто исповѣдывалась въ нашемъ краѣ. Наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ этого служатъ лѣтописныя свѣдѣнія, относящіяся до междоусобной борьбы князей Чернигово-Сѣверскихъ, о чемъ мы имѣли случай упомянуть, на чемъ и остановились въ исторіи нашего Карачева.

Въ этой усобицѣ принималъ, какъ извѣстно, дѣятельное участіе и великій князь Кіевскій Изяславъ Мстиславичъ, что собственно и помогло русскому лѣтописцу познакомиться съ населеніемъ нашего края. Великій князь и Давыдовичи прошли значительную часть нынѣшней Орловской губерніи съ юга на сѣверъ, до Карачева; на пути встрѣчались, имѣя города и села. Между тѣмъ лѣтописецъ, зорко слѣдившій за движеніемъ любимаго своего князя, въ неприязненной ему странѣ, ни одною чертою своего разказа, не дѣлаетъ намека на то, чтобы Вятчи въ это время держались еще своего язычества; тогда какъ преподобный Несторъ, описывая ихъ бытъ, съ грустью, достойною святаго мужа, укоряетъ ихъ всѣхъ въ невѣдѣніи истиннаго Бога. Не явны ли это признаки того, что какъ Кіевскій князь, такъ и его союзники, смотрѣли на Вятчей, какъ на людей одной съ ними вѣры и богопочтенія? Соперникъ Изяслава Святославъ Ольговичъ покидаетъ Карачевъ и убѣгаетъ къ Козельску; великій князь съ своею дружиною вступаетъ въ Карачевъ; жители города выходятъ къ нему на встрѣчу и принимаютъ его „со всякою честію“...

Какая же могла быть эта честь, кромѣ той, которая вполне достойна была главы христіанскаго государства? Въ чемъ именно она выражалась со стороны жителей города Карачева — въ смиренномъ ли поднесеніи ему, по православному русскому обычаю, хлѣбасоли, въ торжественномъ ли звонѣ колоколовъ, или же въ той умиленно-христіанской встрѣчѣ, къ которой, какъ извѣстно, прибѣгли нѣкогда жители Пскова для утоленія грознаго гнѣва царя Іоанна Васильевича, — лѣтописецъ умалчиваетъ объ этомъ. Но для насъ важно и то его извѣстіе, что эта честь не была отвергнута первороднымъ сыномъ церкви и исходатайствовала Карачевцамъ „милость и миръ“.

Православные Кіевляне, эти первые насадители вѣры Христовой въ цѣлой Россіи, прожили здѣсь съ благочестивымъ своимъ княземъ въ теченіи немалого времени; они лицомъ

къ лицу видѣли неизвѣстныхъ имъ дотолѣ лѣсныхъ обитателей. и не нашли въ ихъ жизни, правахъ и обычаяхъ ничего рѣзкаго, противнаго собственному ихъ христіанству, о чемъ, конечно, не преминулъ бы замѣтить лѣтописецъ этого похода.

Когда великій князь возвратился въ свой столичный городъ Кіевъ, то въ Карачевѣ остался на княженіи одинъ изъ Черниговскихъ его союзниковъ — Святославъ Всеволодовичъ . . . ¹⁹⁾. Очевидно, Карачевъ сдѣлавшійся хотя и временною резиденціею князя, не могъ быть безъ православной церкви, духовныхъ пастырей и христіанской паствы. Святославу Всеволодовичу, какъ родному племяннику изгнаннаго Святослава Ольговича, жаль стало своего дяди, тѣмъ болѣе, что права и его самого на Черниговскій столяръ тѣсно связывались съ судьбою его дяди; поэтому онъ послалъ изъ Карачева увѣдомить дядю о томъ, что Давыдовичи рѣшились его преслѣдовать. Но обстоятельства добродушнаго Ольговича значительно поправились, когда онъ получилъ подкрѣпленіе отъ Суздальскаго князя Юрія Долгорукова. Тогда Давыдовичи, не надѣясь устоять въ открытой борьбѣ съ предприимчивымъ Ольговичемъ, созываютъ къ себѣ на съѣздъ „лучшихъ Вятичей“ и дѣлаютъ имъ такое коварное предложеніе: „Святославъ, говорили они, васъ не любитъ и области вашей не жалѣетъ, а разоряетъ ее—точно не свою область; онъ такой же врагъ и вамъ, какъ намъ: старайтесь какънибудь обманомъ поймать или убить его и дружину его перебить, а имѣніе его пусть будетъ вамъ“. Недостойное предложеніе это не было принято лучшими людьми Вятичей; они дали такой знаменательный отвѣтъ новымъ своимъ повелителямъ: „Вы всѣ наши государи, и намъ равны; кто вами владѣетъ, тому мы вѣрны и покорны, не взирая на милость и немилость,—разсуждая, что самъ Богъ опредѣлилъ васъ надъ нами, и не безъ ума—по Апостолу—мечъ въ наказаніе виновнымъ, и отищеніе злымъ и оборону обидимымъ посите, а намъ руку свою поднять на Господа не можно, и никогда того въ насъ и праотцахъ нашихъ не было“ . . . ²⁰⁾. Послѣ этого, по требованію Давыдовичей, Вятичи дали имъ клятву въ вѣрности и получили отъ нихъ посадниковъ въ свои города — Брянскъ, Мценскъ и др., кромѣ нашего Карачева, гдѣ, какъ мы уже говорили, сѣлъ на княженіе союзникъ коварныхъ Давыдовичей — Святославъ Всеволодовичъ. Давыдовичи остались довольны покорностію Вятичей и „велими ихъ похваляли“; но, по ихъ уходѣ, Вятичи не исполнили своей клятвы и перешли на сторону прежняго своего владѣтеля, какъ только появился онъ съ своимъ войскомъ въ ихъ землѣ,—„и за то, продолжаетъ лѣтописецъ, ихъ многіе клятво-преступствомъ порицами“. Такимъ образомъ, послѣ того, что говорили „лучшіе Вятичи“, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что обитатели нашего Карачева, по крайней мѣрѣ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, т. е. старѣйшинъ, родоначальниковъ,—были уже просвѣщены вѣрою Христовою. Правда, нельзя настаивать на томъ, чтобы въ данномъ случаѣ лѣтописецъ наблюдалъ полное

¹⁹⁾ Истор. Р. Татищева, кн. 2 ст. 261.

Истор. Р. Соловьева, т. 2, примѣч. 245.

²⁰⁾ Татищевъ, кн. III, стр. 298.

безпристрастіе повѣствователя и объективность самаго факта: возможно, что онъ, на этотъ разъ, отступилъ отъ прямой своей задачи передать фактъ такъ, какъ онъ былъ, и принялъ на себя нѣкоторую роль христіанскаго моралиста. Такую именно роль онъ могъ взять на себя какъ потому, что вообще не былъ расположенъ къ Черниговскимъ князьямъ, такъ еще болѣе — въ виду ихъ низкой политики, столь несогласной съ честью и достоинствомъ христіанскихъ князей. Влагая въ уста Вятичей зрѣлое христіанское сужденіе о государственной власти, вопреки льстивому и оскорбительному для христіанской совѣсти предложенію Давыдовичей, лѣтописецъ тѣмъ самымъ надѣялся унижить нравственный авторитетъ послѣднихъ въ глазахъ Кіевлянъ.

Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ для насъ особенно важно то, какъ смотрѣлъ самъ лѣтописецъ на Вятичей, т. е. какъ на христіанъ или язычниковъ. А что онъ признавалъ за ними имя и достоинство христіанъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; иначе онъ не могъ бы влагать имъ въ уста словъ Св. Писанія и зрѣлыми христіанскими ихъ понятіями о власти обличать коварныхъ Давыдовичей.

За Святославомъ Всеволодовичемъ Карачевъ оставался не долго. Въ 1155 году оба Святослава Ольговичъ и Давыдовичъ, съѣхавшись вмѣстѣ, заключили между собою, по словамъ лѣтописца, *крѣпкій союзъ* и развелись во владѣніяхъ; при этомъ Карачевъ уступленъ былъ Всеволодовичемъ своему дядѣ, который далъ ему за то какой-то другой городъ похуже. ²¹⁾ Послѣ этого Карачевъ переходилъ изъ рукъ въ руки: Святославъ Ольговичъ отдалъ его сыну Юрія Владиміровича Долгорукаго, а тотъ по договору на съѣздѣ въ Лютавѣ, переуступилъ его кн. Черниговскому Изяславу Давыдовичу. ²²⁾ Впослѣдствіи Святославъ Всеволодовичъ, наслѣдовавъ послѣ Ольговича Черниговъ и область Вятичей, снова имѣлъ въ своей власти Карачевъ; онъ владѣлъ имъ и въ то время, когда сдѣлался великимъ княземъ. Въ концѣ XII вѣка жители Карачева и его окрестностей не разъ должны были подъ предводительствомъ своихъ владѣтелей ополчаться противъ Половцевъ. Эти варвары занимали тогда степи между Дономъ и Днѣпромъ и своими *вѣжами* подходили къ берегамъ Быстрой Сосны, т. е. къ юго-восточнымъ предѣламъ нынѣшней Орловской губерніи; они не разъ вносили въ наши предѣлы мечъ и огонь и уводили плѣнниковъ въ неволю. Поэтому владѣтели нашего края должны были постоянно сторожить отъ нихъ свои волости, а нерѣдко и сами выступали противъ нихъ въ походъ. Такъ, въ 1185 году, великій князь Святославъ Всеволодовичъ, собираясь въ походъ на Половцевъ, пріѣзжалъ въ Карачевъ для сбора войска въ верховьяхъ Оки и Десны. ²³⁾ На обратномъ пути изъ Карачева онъ узналъ о несчастномъ походѣ на Половцевъ Игоря Новгородсверскаго и Всеволода Трубчевскаго. Въ 1193 году Святославъ опять былъ въ Карачевѣ ²⁴⁾.

²¹⁾ Истор. Соловьева. т. 2, ст. 208; Карамз. т. 2 ст. 315.

²²⁾ Записки касательно Россійск. Истор. ч. 2, ст. 297, 306.

²³⁾ Записки касательно Россійск. Истор. ч. 3, стр. 181.; Карамзинъ т. 3 стр. 73.

²⁴⁾ Соловьевъ т. 2 стр. 437 и 446.

По смерти Святослава Всеволодовича, въ 1194 году, Карачевъ по прежнему оставался во власти князей Черниговскихъ. По всей вѣроятности, жители Карачева вмѣстѣ съ трубчанами участвовали и въ битвѣ на рѣкѣ Калкѣ, гдѣ русскіе союзные князья потерпѣли страшное пораженіе отъ полководцевъ Чингисъ-Хана ²⁵⁾. Вотъ все, что извѣстно изъ лѣтописей о городѣ Карачевѣ въ до-Монгольскій періодъ Руси.

²⁵⁾ Русск. Временникъ ч. 1, стр. 87.

Періодъ Монгольскаго и Литовскаго владычества надъ г. Карачевомъ.

Нашествіе Батые. — Слѣды Свиной дороги въ Карачевскомъ уѣздѣ. — Утвержденіе въ Карачевѣ княжеской резиденціи. — Вторженія Литовцевъ. — Смуты въ Брянскомъ и Карачевскомъ княжествѣ. — Карачевъ во власти Литвы. — Присоединеніе Карачева къ Московскому государству. — Церковная зависимость Карачева отъ Брянской кааеды. — Карачевскіе монастыри.

Во время грознаго нашествія на Россію Монгольскій завоеватель Батый, разгромивъ княжества Рязанское и Владимірекое, вступилъ въ область древнихъ Вятичей. Здѣсь городъ Козельскъ своею отчаянною обороною задержалъ Монгольскія полчища на цѣлыхъ семь недѣль и до того озлобилъ Батые, что онъ, истребивши всѣхъ жителей, прозвалъ Козельскъ „злымъ городомъ“. Отсюда, направляясь въ Половецкія степи, страшный воинъ долженъ былъ проходить и чрезъ Орловскій край; не извѣстно, что случилось въ это время съ нашимъ Карачевомъ, но можно думать, что и онъ вмѣстѣ съ другими городами, встрѣчавшимися на пути Монголамъ, былъ погребенъ подъ своими развалинами: озлобленные козельскою обороною Татары, и безъ того отличавшіеся свирѣпостію, не давали теперь пощады никому и ничему. Впрочемъ, пользуясь долговременною стоянкою Батые подъ Козельскомъ, наши Карачевцы имѣли достаточно времени для того, чтобы, оставивъ свои жилища, подобно другимъ своимъ сосѣдямъ, укрыться въ недоступныхъ уѣжищахъ. Кажется, на память объ этомъ грозномъ пути Батые осталось у Карачевцевъ и ихъ сосѣдей названіе „Свиной дороги“. Съ такимъ названіемъ соединяется въ народной памяти темная легенда о какой-то *свиню*, вышедшей нѣкогда изъ Болхова и дошедшей до Карачева . . . Всего вѣроятнѣе, что такое названіе усвоено было этой дорогѣ въ смыслѣ презрѣнія къ татарамъ, которые и впоследствии знали выгоды этой дороги. Свиная дорога вела изъ нынѣшней Курской губерніи, отъ Рыльска до Болхова и проходила чрезъ уѣзды: Кромской (частію), Дмитровскій, Карачевскій и Болховской, — тою Свиною дорогою прихаживали Бѣлогородскіе (Аккерманскіе) Татары на Рыльскій, и на Карачевскій, и на Болховской и на Орловскій уѣзды Бакай (Банай) — Мурза, какъ польскихъ *) городовъ не было. А прихаживали на Свиною дорогу съ Бакаева

*) Такъ назывались украинные города, за которыми лежали тогда почти не заселенныя *поля* или степи, пограничныя съ Татарами.

шляху, а Бакаевъ шляхъ отъ Муравскаго шляху вереть 40 къ Двѣпру*. ²⁶⁾ Слѣды Свиной дороги сохранились доселѣ во многихъ мѣстностяхъ Орловской губернии и Карачевскаго уѣзда по направленію съ юга на сѣверъ и сѣверо-востокъ; почему Свиная дорога образуетъ какъ бы нѣсколько Свиныхъ дорогъ, идущихъ преимущественно *кряжемъ*, минуя низменные мѣста и рѣки; а такъ какъ при этихъ послѣднихъ обыкновенно располагаются селенія, то дороги эти составляютъ по большей части границу между разными владѣльцами ²⁷⁾. Частнѣйшее направленіе Свиной дороги по Орловской губернии обозначается въ древней картѣ истоками рѣкъ изъ подъ Свиной дороги; изъ этихъ рѣкъ однѣ протекаютъ по правую ея сторону, а другія по лѣвую. Съ правой стороны Свиной дороги берутъ начало слѣдующія рѣки, впадающія въ Оку: Крома, Ицка, Цонъ, Орель (Орликъ), Неполодь, Нугръ. Съ лѣвой стороны — Неруса, Навля и Снѣжетъ, принадлежащія къ Деснинской системѣ. Руководствуясь истоками вышеуказанныхъ рѣкъ, можно приблизительно провести Свиною дорогу по Карачевскому уѣзду около Хотынца, Образцова и Алымоной, Ивановскаго, Мѣловаго и Дронова (Архангельскаго), Вербника, Бочарокъ, Глинокъ и Семеновки, Пятниковскаго, Навли и Хотькова, Молодоваго, Высокаго и Шаблыкина, Воронцова, Герасимова и Робья, Гавриловскаго и Титова и далѣе — на югъ — дорога пролегла чрезъ Дмитровскій уѣздъ.

Не смотря на то, что Орловскій край не избѣжалъ злой участи во время Монгольскаго нашествія, окрестности Карачева, защищенныя дремучими лѣсами, пострадали несомнѣнно менѣе, чѣмъ столичный городъ Черниговъ; потому то, когда св. князь Михаилъ Черниговскій былъ замученъ въ Ордѣ, сыновья его не остались въ Черниговѣ, а искали себѣ пріюта въ нашихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ и, такимъ образомъ, способствовали образованію здѣсь княжествъ Брянскаго, Карачевскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Когда въ Брянскѣ поселился на княженіи старшій изъ пяти сыновей св. Михаила — Романъ, тогда и слѣдующій за нимъ Мстиславъ утвердилъ свою резиденцію въ Карачевѣ, почему онъ и извѣстенъ въ лѣтописяхъ подъ именемъ Карачевскаго князя ²⁸⁾. Въ составъ Карачевскаго княжества, какъ видно, входили смежныя съ нимъ уѣзды — Дмитровскій, Болховской, а также и Козельскій (Калужск. губ.) съ его окрестностями. Пока Романъ и Мстиславъ были живы, между Брянскимъ и Карачевскимъ княжествами не было усобицъ. Находясь подъ давленіемъ Татарскаго ига, братья заботились по возможности о благосостояніи своихъ подданныхъ и охраняли ихъ отъ вторженія Литовцевъ, которые, пользуясь ослабленіемъ юго-западной Руси, послѣ нашествія Монголовъ, открыли непрерывныя набѣги на нашъ край, — топтали поля, жгли села, уголяли скотъ и людей въ плѣнъ. Около 1275 года Литовцы, въ числѣ другихъ городовъ, „чинили набѣги“ на самый Карачевъ; набѣги эти были такъ раззорительны, что князя не въ состоя-

²⁶⁾ Кн. Больш. Чертеж. стр. 84—108.

²⁷⁾ Памяти. книжк. Орл. губ. на 1860 год., стр. 33.

²⁸⁾ Записки касат. Россійск. Истор. ч. 6. стр. 168: „отъ Мстислава пошли Карачевскіе, Масальскіе, Елецкіе и Звенигородскіе князи“.

ни были заплатить должной дани Хану, который поэтому спрашивал князей: „почто ясакъ малъ, а людей много въ землѣ вашей“? Князья отвѣчали, что „по причинѣ частныхъ набѣговъ Литовскихъ земля ихъ оскудѣла всячески“ . . . ²⁹⁾. Въ виду этого Ханъ Золотой Орды не разъ давалъ князьямъ свою помощь и посылалъ ихъ воевать самую Литву. Лѣтописи не упоминаютъ, участвовали ли въ знаменитыхъ походахъ Романа Брянскаго противъ Литвы и Карачевскій князь Мстиславъ, но общіе интересы удѣловъ обоихъ братьевъ не заставляютъ въ томъ сомнѣваться. Не извѣстно, оставался ли еще въ живыхъ Мстиславъ Михайловичъ въ то время, какъ митрополитъ Максимъ, рѣшившись перенести митрополию свою изъ Кіева во Владиміръ, переѣзжалъ туда со всею своимъ дворомъ чрезъ Брянскъ и Карачевъ; не извѣстенъ также и годъ смерти Мстислава Карачевского, но несомнѣнно то, что его потомки продолжали княжить въ Карачевѣ и Козельскѣ.

Другія времена настали для Карачева при преемникахъ Романа въ Брянскѣ и Мстислава въ Карачевѣ. Между этими родственными отродами одного дома возникаютъ тогда взаимныя смуты, доходившія до кровопролитныхъ междоусобицъ. Въ этомъ отношеніи особенно памятенъ для Карачева 1310 годъ. Въ Брянскѣ княжилъ тогда Василій, котораго историкъ Карамзинъ считаетъ внукомъ Романа Михайловича; а въ Карачевѣ — сынъ Мстислава-Святославъ Мстиславичъ, внукъ св. Михаила Черниговскаго. Противъ Василя возсталъ дядя его Святославъ и вытѣснилъ его изъ Брянска. Не желая уступать своему дядѣ, Василій уѣхалъ съ жалобою на него въ Орду. Ханъ милостиво принялъ Василя и далъ ему значительный отрядъ Татарскаго войска для возвращенія удѣла. Сраженіе между соперниками произошло гдѣ-то въ окрестностяхъ города Карачева; Святославъ палъ, а Василій, утвердившись въ Брянскѣ, съ татарами напалъ на Карачевского князя Святослава Мстиславича. Что было поводомъ къ этому нападенію, — сочувствіе ли Карачевского князя сопернику Василя, или желаніе Василя чрезъ покореніе Карачева расширить предѣлы Брянскаго княжества и вознаградить своихъ пособниковъ Татаръ на счетъ средствъ сосѣда, — неизвѣстно. Карачевскій князь въ борьбѣ съ татарами не устоялъ и палъ на полѣ брани; при чемъ и самый городъ, вѣроятно, сдѣлался жертвою разграбленія ³⁰⁾. Святитель Петръ еще предъ возникновеніемъ описаннаго междоусобія лично отиравлялся чрезъ Карачевъ въ городъ Брянскъ для умиротворенія враждующихъ князей; но всѣ увѣщанія Святителя остались тщетны и самъ онъ едва не былъ убитъ Татарами въ соборномъ храмѣ. Въ 1339 году въ Карачевскомъ княжествѣ опять происходили междоусобія между дядею — княземъ Андреемъ Мстиславичемъ и племянникомъ Василюмъ Пантеленемъ, при чемъ дядя былъ убитъ своимъ племянникомъ ³¹⁾.

²⁹⁾ Записки касат. Росс. Истор. ч. 6, стр. 285.

³⁰⁾ Истор. Росс. Соловьева, т. 3 стр. 308.
Карамзинъ, т. 4, примѣч. 225.

³¹⁾ Соловьевъ т. 3, стр. 309.; Карамзинъ, т. 6, стр. 275 и примѣч. 288.

Такия усобицы не обѣщали въ будущемъ ничего добраго ни Брянску, ни Карачеву, взаимно обезсиливаемымъ враждою. Вражда эта привлекала жадные взоры Литовскихъ завоевателей къ Брянску и Карачеву и постепенно пролагала путь къ нелегальному владычеству въ нашемъ краѣ, служившемъ границею между Литвою и Московскимъ государствомъ. И дѣйствительно, во второй половинѣ XIV вѣка великій князь Литовскій Ольгердъ завоевалъ Брянскъ и захватилъ въ плѣнъ молодаго Брянскаго князя Іоанна, сына Василюва. Паденіе Брянска дало возможность Ольгерду тогда же, безъ особеннаго труда, овладѣть Карачевомъ, Трубчевскомъ и другими городами Орловскаго края; послѣ этого въ Карачевѣ должны были находиться Литовскіе воеводы въ теченіи полутора — вѣковаго владычества Литвы надъ нашимъ краемъ.

Время Литовскаго владычества надъ городомъ Карачевомъ было полно враждебныхъ столкновеній Литвы съ Московскими князьями. Литва устремляла свое оружіе и за предѣлы Орловскаго края, а Московскіе князья служили имъ къ тому препятствіемъ. Мѣстомъ для борьбы и враждебныхъ столкновеній этихъ двухъ государствъ служилъ именно Орловскій край; при взаимныхъ столкновеніяхъ съ Литовцами Московскіе воеводы забывали о своемъ единовѣрїи съ Карачевцами и, смотря на нихъ, какъ на Литовскихъ подданныхъ, сопровождали свои походы плѣномъ и безпощаднымъ грабежомъ. Такимъ бѣдствіямъ долженъ былъ подвергаться Карачевъ не разъ въ княженіе Дмитрія Іоанновича, во время его борьбы съ могущественнымъ Литовскимъ княземъ Ольгердомъ. Известно, что въ 1370 году Московскіе воеводы прошли Карачевъ до самаго Брянска ³²⁾, а въ 1379 году они снова опустошали нашъ край до самаго Трубчевска. Въ это время Карачевъ не имѣлъ уже князей и, по всей вѣроятности, входилъ въ составъ владѣній Дмитрія Ольгердовича, одного изъ сыновей Ольгерда. Кромѣ Московскихъ воеводъ въ предѣлы Карачева вносили свой мечъ и огонь и Рязанцы, желавшіе вытѣснить враждебную имъ Литву изъ нашихъ городовъ Карачева и Брянска. Въ свою очередь и Золотая Орда, не получающая съ Литвы дани, вымещала свое недовольство на нашихъ городахъ. Въ виду такой опасности отъ Татаръ, Литовцы иногда дѣйствовали противъ нихъ въ союзѣ съ Москвитянами и сообща отражали враждебныя нападенія ордынцевъ. Такъ именно было въ 1437 году, когда Татары, во главѣ съ своимъ ханомъ, низверженнымъ Улу-Махметомъ, засѣли было въ Бѣлевѣ. Но совокупныя дѣйствія противъ Татаръ Литовскихъ и Московскихъ князей не препятствовали имъ вести взаимныя войны. Въ 1445 году, въ княженіе Василя II Темнаго, городъ Карачевъ снова подвергся внезапному нашествію Московскихъ воеводъ и служилыхъ Татарскихъ царевичей. Когда же, затѣмъ, Василій II Темный былъ ослѣпленъ двоюроднымъ братомъ своимъ Шемякою, то шурина его, князь Василій Ярославичъ, убѣжалъ въ Литву и получалъ отъ короля во владѣніе себѣ въ числѣ другихъ городовъ и городъ Карачевъ. Здѣсь Василій Ярославичъ и находившіе у него пріютъ сторонники Василя Темнаго — Ѳеодоръ Васепокъ

³²⁾ См. Лѣтописецъ, служачій продолж. Несторовой Лѣтоп. стр. 109; Карамзинъ т. 5, стр. 21; Соловьевъ т. 3, стр. 339.

да князь Семень Оболенскій собрали значительныя силы въ пользу Василя II Темнаго и помогли ему побѣдить Шемяку ³³).

Со времени Иоанна Васильевича III Москва перемѣнила свою политику по отношенію къ Литвѣ и стала дѣйствовать наступательно. Враждебныя столкновенія двухъ сосѣднихъ государствъ происходятъ особенно часто въ окрестностяхъ Карачева; съ той и другой стороны слышатся постоянныя жалобы на убытки и грабежи, причиняемые то Литовскими людьми Московскимъ людямъ, то Московскими наѣздниками — Литовскимъ жителямъ. Напримѣръ, въ 1498 году Литовскій посоль, панъ Станиславъ Габбровичъ, приносилъ жалобу въ Москвѣ, что намѣстникъ Козельскій захватилъ Литовскія земли — села Карачевскія и Хотимльскія ³⁴). Наконецъ, въ 1499 году великій князь Московскій Иоаннъ III отправилъ сильное войско подъ предводительствомъ боярина Якова Захарьевича Кошкина на предѣлы Орловскаго края, и городъ Карачевъ вмѣстѣ съ другими сосѣдними городами былъ навсегда присоединенъ къ Московскому государству ³⁵). По перемирію, заключенному въ 1503 году между Иоанномъ III и Литовскимъ княземъ Александромъ, волости — Карачева, Хотимля, Невля и др. уступлены были Москвѣ ³⁶).

Въ то время, какъ Брянское и Карачевское княжества, ослабленныя внутренними смутами и междоусобіями, лишились политической своей независимости и вошли въ составъ Литовскаго государства, городъ Брянскъ возвысился на степенъ епископскаго каѳедрального города, и нашъ Карачевъ долженъ былъ признать церковную зависимость отъ своего сосѣда. Брянская епископская каѳедра служила продолженіемъ Черниговской епископіи, отъ которой до этого времени зависѣли и Брянскъ и Карачевъ въ епархіальномъ отношеніи, и которая существовала еще со временъ Владиміра Святаго (992 г.). Нашествіе Монголовъ и бѣдствія, которымъ подвергся тогда стольный городъ Черниговъ, побудили Черниговскихъ князей искать пріюта въ нашихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ, а гдѣ жилъ князь, тамъ поселился и епископъ, такъ какъ обстоятельства требовали того, чтобы княжеская резиденція и епископская каѳедра находились въ одномъ мѣстѣ, чтобы власть свѣтская и духовная, поддерживая другъ друга, могли успѣшнѣе дѣйствовать ко благу государства и церкви.

Открытіе въ Брянскѣ епископской каѳедры послѣдовало при митрополитѣ Московскомъ св. Алексіѣ одновременно съ посвященіемъ епископа Наѳанаила, который называется въ лѣтописяхъ *Дебрянскимъ*, или Брянскимъ ³⁷); духовному мѣдвнью его подлежали всѣ церкви прежней Черниговской каѳедры. Это важное въ исторіи религіозно-нравственной жизни нашего края событіе совершилось въ началѣ второй половины XIV

³³) Русск. Временн. ч. 2, стр. 12 и 16; Карамзинъ т. 5, стр. 366—75.

³⁴) Истор. Росс. Соловьева т. 5, стр. 157.—Село *Хотимль* —при безыменномъ ручьѣ въ 25 верст. отъ г. Карачева.

³⁵) Русск. Временн. ч. II, стр. 189; Соловьевъ, т. 5, стр. 160.

³⁶) Карамзинъ т. 6, стр. 316; Соловьевъ, т. 5, стр. 171—172 и примѣч. 203.

³⁷) Лѣтоп. служащ. продолж. Несторов. лѣтоп. стр. 135.

вѣка, приблизительно между 1356 и 1360 гг. ³⁸⁾. Полтора—вѣковое почти существованіе въ Брянскѣ епископской каѳедры ознаменовано было окончательнымъ вытѣсненіемъ язычества изъ предѣловъ Орловскаго края и умноженіемъ здѣсь иноческихъ обителей. Изъ этого же времени дошли до насъ слѣды иноческой жизни и въ предѣлахъ Карачева, начавшейся по всей вѣроятности еще подъ покровительствомъ первыхъ Карачевскихъ князей изъ дома св. Михаила Черниговскаго. Такъ объ одномъ изъ Карачевскихъ монастырей — въ Одринѣ извѣстно, что онъ существовалъ въ 1452 году. Отъ этого, по крайней мѣрѣ, года дошла до насъ грамота княгини инокини Евпраксії, въ мѣрѣ Елены, бывшей дочери Великаго князя Ольгерда. Раздѣляя свое имѣніе между родственниками, княгиня Евпраксія, между прочимъ, отписала внуку своему, князю Василию Ярославичу, монастырь Рождества Пресвятыя Богородицы съ принадлежащими къ нему селами „да Одрины — говорится въ грамотѣ, — что мя благословилъ князь мой: а мои снохи и мой внукъ тѣмъ монастыремъ, и что монастырю дала, печалуются, а не обидятъ. А что поны и дьяконы служатъ у Рождества Пресвятыя, а что придетъ съ тѣхъ сель, и поны возьмутъ половину, а игуменьѣ съ черницами половина, а Одрины вѣдаютъ поны, а игуменьи съ черницами даютъ на годъ по рублю; а дьякона и проскуриницу вѣдаютъ поны, а поминуютъ наши души“ ³⁹⁾. Изъ этой грамоты видно, что на мѣстѣ нынѣшняго Одрина мужскаго монастыря существовалъ первоначально женскій Рождественскій монастырь, а можетъ быть, рядомъ съ женскимъ монастыремъ существовалъ уже тогда въ Одринахъ и мужскій монастырь, только о немъ не упоминается въ грамотѣ. Кроме того, благочестіе жителей г. Карачева создало мужскій Воскресенскій монастырь, или Тихонову пустынь, близъ города Карачева, и женскій монастырь при церкви Страсто-терпца Димитрія Солунскаго, но время основанія ихъ съ достовѣрностію опредѣлить трудно. Возникновеніе въ нашемъ городѣ нѣсколькихъ монастырей свидѣтельствуетъ о томъ, что высокія христіанскія истины объ отреченіи отъ міра проникли уже въ сознаніе многихъ изъ нашихъ предковъ. Вѣдь не матеріальныхъ выгодъ и удобствъ жизни искали они въ тѣсныхъ стѣнахъ монастырскихъ обителей, а вѣчнаго спасенія души своей въ смиренныхъ подвигахъ богомыслія, молитвы и покаянія? Къ несчастію, время существованія въ Брянскѣ епископской каѳедры совпало съ грозною эпохою владычества Литвы надъ нашимъ краемъ и длиннымъ періодомъ пестропей въ Русской церкви по поводу раздѣленія митрополіи. Церковныя смуты обуревали Брянскую епископскую каѳедру со времени посвященія на нее еписк. Наонаила и до самаго закрытія каѳедры при епископѣ Брянскомъ Іонѣ.

Одною изъ главныхъ причинъ раздѣленія единой дотолѣ Русской митрополіи на двѣ — Сѣверную или Московскую и Южную или Литовскую — было перенесеніе митрополіи съ юга на сѣверъ, вызванное тѣми же бѣдствіями Татарскаго опусто-

³⁸⁾ См. различныя мнѣнія историковъ о времени открытія Брянск. епископск. каѳедры въ „Историч. Очеркахъ г. Брянска“ Г. Пясецкаго, стр. 72 — 80.

³⁹⁾ Собран. государств. грамотъ, ч. I стр. 190.

шенія и насилія, какія побудили и Черниговскихъ архипастырей искать себѣ болѣе удобнаго пріята въ сосѣднемъ Брянскѣ. Могущественный Литовскій князь Ольгердъ, владѣвшій кромѣ Литвы и всею юго-западною Русью, желалъ для своихъ подданныхъ образовать особую, независимую митрополию, чтобы чрезъ ея митрополита, вѣзмъ ему обязаннаго, имѣть вліяніе и на всю остальную Россію, владычества надъ которою онъ такъ усердно добивался въ теченіе всей своей жизни. Потому-то, когда святитель Алексій, избранный въ митрополита великимъ княземъ Московскимъ, прибылъ въ 1354 году въ Константинополь для своего посвященія, туда же за поставленіемъ въ митрополита Литовскаго явился и Романъ отъ имени великаго князя Литовскаго Ольгерда. Просьба Ольгерда и богатые дары возымѣли свое дѣйствіе въ Царь—градѣ: Романъ былъ посвященъ въ Литовскаго митрополита. Такъ въ одно и то же время явились въ Россіи два митрополита и началось нестроеніе въ Церкви.

Вопросъ о томъ, къ какой изъ этихъ двухъ митрополій будетъ принадлежать Брянская епархія съ нашимъ Карачевомъ, былъ не безразличенъ какъ для архипастырей Брянскихъ, такъ и для всей ихъ паствы. Отъ такого или иного рѣшенія этого вопроса зависѣло не одно внѣшнее благосостояніе Брянской церкви,—ея спокойствіе и миръ, но и вѣчные интересы ея—самое православіе. Между тѣмъ, смуты и нестроенія, возникшія въ Русской церкви, прежде всего должны были коснуться Брянской епархія, которая лежала на границѣ между сѣверными и южными епархіями. И дѣйствительно, опираясь на свѣтскую власть, Романъ началъ вторгаться въ предѣлы собственно-русской митрополіи и, между прочимъ, въ предѣлы Брянской епархіи, гдѣ самовольно литургиялъ и совершалъ хиротоніи, объявляя и грозя притомъ чрезъ своихъ приближенныхъ, что онъ имѣетъ великую силу у своего князя. Понятно, какъ подобный образъ дѣйствій со стороны Романа долженъ былъ смущать святителя Алексія и его ставленника Брянскаго епископа. Но этого мало. Митрополитъ Романъ, самочинно доискиваясь власти надъ неподчиненными ему христіанскими церквами и не желавшими признать его своимъ архипастыремъ, возбуждалъ противъ нихъ самого Ольгерда и поощрялъ его на разореніе ихъ жилищъ и кровопролитіе. Митрополитъ Алексій для умиротворенія паствы рѣшился, наконецъ, уступить Роману Брянскую епархію ⁴⁰⁾. Болѣе тяжелыя и опасныя времена для юной Брянской епархіи настали послѣ Флорентійскаго собора, на которомъ митрополитъ Исидоръ, единомышленникъ папы, предалъ православіе католичеству. Римъ принималъ все мѣры къ тому, чтобы удержать подъ своимъ главенствомъ южную митрополию. Въ 1458 году папа достигъ того, что прислалъ на Литовскую митрополию Григорія Булгара, ученика Исидорова. Тогда начались испытанія для Брянскаго епископа Евѣмія, остававшагося вѣрнымъ завѣтамъ великаго святителя Московскаго Іоны. Гоненія на Евѣмія дошли до того, что онъ вынужденъ былъ оставить свою епархію и бѣжать въ Москву ⁴¹⁾. Съ этого времени (1465) Брянская епархія съ нашимъ

⁴⁰⁾ Истор. Русск. Церкви. Макарія, т. IV стр. 44.

⁴¹⁾ Русск. Времени. ч. 2, стр. 39—40.

Карачевомъ подчинилась власти южнаго митрополита и отъ него принимала архипастырей до 1499 года, когда, въ княженіе Іоанна Васильевича III, Московскіе воеводы покорили Москвѣ Брянскъ, Черниговъ, Стародубъ и др. города, входившіе въ составъ Брянскаго княжества, „а воеводу и намѣстника Брянскаго, пана Станислава Барташевича, и владыку Брянскаго поимоша и прислаша къ великому князю въ Москву“⁴²⁾. Этотъ владыка, взятый при покореніи Брянска и отправленный въ числѣ важныхъ плѣнниковъ въ Москву, былъ Іона, послѣдній епископъ Брянскій, послѣ котораго Брянская епископія была упразднена. Заступившее Литву Московское владычество избавило навсегда нашъ край съ городомъ Карачевомъ отъ дальнѣйшихъ посягательствъ Рима на православіе. Въ первое время Московскаго владычества надъ нашимъ краемъ Карачевъ цѣлое столѣтіе находился въ вѣдѣніи Смоленскихъ архипастырей, носившихъ титулъ „Смоленскихъ и Брянскихъ.“

⁴²⁾ Русск. Врем. ч. 2, стр. 198; Акты Западной Россіи т. 1 № 168.

IV.

Время Крымских набѣговъ на окрестности г. Карачева въ первое время Московской зависимости.

Поводъ къ Крымскимъ набѣгамъ.—Главные дороги Крымскихъ Татаръ.—Карачевскіе намѣстники.—Сторожевые посты въ Карачевскомъ уѣздѣ.—Курганы и городища.—Нѣкоторыя черты изъ церковнаго быта.—Одринъ Николаевскій монастырь.

Находясь подъ скипетромъ Московскихъ государей, г. Карачевъ испытывалъ много-различныя бѣдствія: на первыхъ порахъ владычество надъ нимъ оспаривали Литовцы и не разъ опустошали его окрестности; потомъ онъ долженъ былъ ожидать постоянной грозы съ юга, со стороны Крымскихъ татаръ.

Не смотря на то, что Литовскій князь Александръ вынужденъ былъ при Иоаннѣ Васильевичѣ III уступить Москвѣ Сѣверское княжество, Литовцы все еще не желали навсегда разстаться съ Брянскомъ и Карачевомъ, почему и дѣлали частые набѣги на нашъ край даже послѣ 1508 года, когда приобрѣтенія Иоанна III въ нашемъ краѣ были утверждены Сигизмундомъ. Такъ извѣстно, что въ 1534 году Литовцы, подъ предводительствомъ гетмана Юрія Радзивила, Кіевского воеводы Андрея Немировича и дворнаго конюшаго Василія Чижа, опустошали Карачевскія мѣстности и сожгли городъ Радогонъ⁴³⁾. Въ опустошительныхъ набѣгахъ Литовцамъ помогали Крымскіе Татары, бывшіе при Иоаннѣ III усердными союзниками Москвы, а теперь злобившіеся на великаго князя Московскаго Василія Иоанновича за то, что тотъ нарушилъ договоръ, не давши знать въ Крымъ о своемъ походѣ на Смоленскъ. Крымскій ханъ Махметъ — Гирей простеръ свою дерзость до того, что требовалъ даже отъ Василія III возвращенія себѣ Карачева и другихъ сосѣднихъ съ нимъ городовъ, данныхъ будто бы отцомъ его Менгли Гиреемъ въ знакъ милости Московскому князю Иоанну III⁴⁴⁾. Съ того времени Карачевъ не зналъ уже покоя отъ Крымскихъ набѣговъ.

Въ XVI вѣкѣ Орловскій край представлялъ изъ себя южную окраину Московскаго государства, за которою далѣе залегали обширныя степи, дозволявшія Крымскимъ Тата-

⁴³⁾ См. Кн. Больш. Чертеж. стр. 3, 4, 5, 20, 44.

⁴⁴⁾ Ibid. стр. 4, 19 — 23, 36, 43, 46.

рамъ свободно проникать по четыремъ главнымъ дорогамъ въ нашъ край. Эти дороги были: *Муравская дорога*, или *Муравскій шляхъ*, ведшая Крымскихъ Татаръ отъ Бахчисарая, столицы хановъ, чрезъ нынѣшнюю Орловскую губернію къ Тулѣ, а отъ Тулы къ Серпухову и самой Москвѣ. Въ Орловской губерніи Муравская дорога проходила чрезъ два нынѣшнихъ уѣзда—Ливенскій и Елецкій, по направленію съ юга на сѣверо-востокъ, въ области двухъ рѣкъ, съ правой стороны р. Кшеневой (Кшень), а съ лѣвой—р. Тима. Обѣ эти рѣчки впадаютъ въ р. Быструю Сосну ⁴³). *Дорога Калмиоская* вела Татаръ съ Царева—города на Валуйки (Воронеж. губ.), Осколь (Курск. губ.) и Ливны, гдѣ она сходилась съ Муравскимъ шляхомъ. ⁴⁴). *Похнутцова* или *Пахнутцкая* дорога пролегала между дорогами—Муравскою, съ правой стороны, и Свиною—съ лѣвой; въ Орловской губерніи эта дорога проходила по юго-восточной части Малоархангельскаго и Мценскаго уѣздовъ, въ области р. Оки, съ лѣвой стороны, и Неручи—съ правой. ⁴⁵). Наконецъ *Свиная дорога*, о которой было уже говорено выше. Этою послѣднею дорогою Татары приходили къ Карачеву и, раздѣлившись иногда на мелкіе летучіе отряды, предавались неистовому грабежу въ окрестностяхъ Карачева. Такъ, въ 1565 году, подъ предводительствомъ Девлетъ-Гирея, татары опустошили восточные предѣлы Карачевского уѣзда и дошли до самаго Болхова ⁴⁶). Въ 1571 г. тотъ же Девлетъ-Гирей проходилъ съ своими полчищами по юго-восточнымъ предѣламъ Карачевского уѣзда, но не доходя до Карачева, своротилъ со Свиной дороги на Пахнутцову и простеръ свои опустошенія до самой Москвы.

Въ это время въ Карачевъ посылались отъ Московскаго царя намѣстники, которые обыкновенно содержались на средства самихъ жителей, что называлось *кормленіемъ*. Такъ, въ 1576 году намѣстникомъ въ г. Карачевѣ былъ А. Овчинъ—Плещеевъ, а въ слѣдующемъ 1577 г.— князь Иванъ Юрьевичъ Морткинъ. Въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ приводится одна изъ жалованныхъ грамотъ царя Іоанна Васильевича, данная въ ноябрѣ 1577 года князю Ивану Юрьевичу Морткину на предоставленіе ему г. Карачева въ *кормленіе*. Грамота эта гласитъ: „Се азъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Россіи, пожаловалъ еси князя Ивана Юрьевича Морткина городомъ Карачевомъ, въ кормленье, со всемъ по тому, какъ было за прежними намѣстники; и вы, люди того города, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судить и ходить у васъ о всемъ, по докладному списку, какъ было напередъ сего за прежними намѣстники“ ⁴⁷). На обязанности Карачевскихъ намѣстниковъ, кромѣ общаго вѣдѣнія и суда, лежала обязанность охранять городъ отъ непріятелей и оберегать уѣздныхъ людей отъ плѣна. Въ видахъ предосторожности отъ внезапныхъ нападеній, изъ Карачева, какъ и изъ другихъ городовъ, ставились *сторожи*, т. е. сторожевые посты, съ которыхъ можно было бы

⁴⁵) Ibid. стр. 104—112.

⁴⁶) Истор. Росс. Соловьева т. 6, стр. 287.

⁴⁷) Собр. государ. грамот. ч. I, стр. 69 № 46. Къ этой грамотѣ, писанной скорописью, привѣшена на малиновомъ шелковомъ шнурукѣ красная восковая печать.

слѣдить за появленіемъ и движеніемъ непріятеля. Такіе пункты были: а) *сторожевой курганъ* у Свяной дороги, въ 7-ми верстахъ отъ города; б) въ Кромскомъ уѣздѣ, на *Молодовомъ городищѣ*, отъ Карачева въ 30-ти верстахъ. На Карачевскихъ сторожахъ „смѣстныхъ“ и „несмѣстныхъ“ стерегли дѣти боярскіе—Карачевцы, получавшіе за свою службу помѣстья и денежное жалованье; а также — бѣломѣстные казаки, по два человѣка, перемѣнявшіеся по-недѣльно. Сторожа находились на лошадяхъ. Завидѣвъ облака пыли, или другіе признаки появленія непріятелей, они должны были мчаться во весь опоръ въ городъ, чтобы своевременно доставить вѣсть. По такимъ вѣстямъ, Карачевскіе намѣстники высылали въ уѣздѣ „биричей“ съ объявленіемъ всемъ сѣшить въ „осаду“, дабы „воинскіе люди безвѣстно на нихъ не напали и въ полонъ не взяли“. Иногда подобныя вѣсти заставляли уѣздныхъ людей врасплохъ и тогда они принуждены бывали съ своими *животами* укрываться въ лѣсныхъ дебряхъ и другихъ скрытныхъ мѣстностяхъ. Впрочемъ, въ концѣ XVI в., когда сѣтъ южныхъ укрѣпленій была выдвинута „въ поле“, Карачевъ пользовался еще достаточно свободнымъ временемъ для того, чтобы собрать уѣздныхъ людей въ осаду. Съ 1586 года его прикрывали уже Ливны и съ 1594 г. — Кромы, откуда также приходили вѣсти въ Карачевъ о движеніи Татаръ.

Въ лѣтописяхъ не упоминается ни объ одномъ случаѣ осады г. Карачева Татарами, что частію даетъ возможность заключать о значительности его укрѣпленій, особенно въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго, когда, по случаю нападенія Девлетъ-Гереея, въ 1571 году, Карачевская *сторожа* была усилена ⁴⁸⁾. Но если городъ Карачевъ подъ защитою своихъ укрѣпленій и избѣгалъ Татарскихъ погромовъ, за то многіе изъ уѣздныхъ его людей, не могшіе своевременно укрыться въ „осаду“, отводимы были въ плѣнъ и тамъ обращались въ рабство и продавались на рынкахъ, если не приходилъ за нихъ выкупъ съ Москвы.

Отъ этого тревожнаго времени остались еще и теперь, частію сохранившіеся, въ Карачевскомъ уѣздѣ курганы и городища, служившіе нѣкогда *застѣками*, т. е. мѣстами, приспособленными для обороны при нападеніи непріятелей; такія застѣки располагались частію въ лѣсахъ, а частію при переправахъ черезъ рѣки. Такъ, въ Ивановской волости, въ 2-хъ верстахъ отъ села Ивановскаго ⁴⁹⁾, по направленію къ д. Алексѣевкѣ, въ урочищѣ Городищѣ, сохранился *курганъ* четырехъугольной формы, окруженностію въ 100 саж. Въ сѣверной и южной части кургана находятся ворота—противоположно другъ другу; на югѣ видны признаки гати чрезъ ручей Лубну. Въ Сомовской волости—два *кургана*, одинъ при д. Желѣзномъ Городищѣ, другой при д. Слободкѣ ⁵⁰⁾. Въ

⁴⁸⁾ Соловьевъ, т. 7 стр. 27—28.

⁴⁹⁾ Въ 25 верст. отъ Карачева, по правую сторону почтоваго тракта изъ Карачева въ Болховъ.

⁵⁰⁾ *Желѣзн. Городищу*.—по лѣвую сторону Сѣвскаго тракта, отдѣляющагося отъ Трубчевскаго, въ 30 верст. отъ Карачева. *Слободка* (Хитрово) тамъ же, въ 35 верст. Оба при р. Навлѣ.

Чичковской волости — *городище* близъ дер. Кольцовъ заводъ, въ 2-хъ верст. отъ него; форма городища четырехугольная, окруженію въ 230 саж.; помѣщено на высокомъ мѣстѣ, на берегу рѣч. Городеченки; съ сѣверной и восточной сторонъ окружено оврагомъ, а съ западной и южной небольшимъ окопомъ. Небольшой входъ имѣется съ сѣверной стороны ⁵¹⁾. Въ Знаменской волости — *городокъ* въ д. Володкомъ Городищѣ ⁵²⁾, окруженію 106 саж., трехъугольной формы. Небольшой курганъ въ полѣ, при д. Данадовой. Въ Алисовской волости — *городище* въ с. Хотимль, южнѣе церкви на 20 саж., кругообразной формы. Внутренняя площадь его имѣетъ въ поперечникъ съ одной стороны 70, а съ другой — отъ востока къ западу 55 саженой, гдѣ и оканчивается небольшимъ прудомъ, за которымъ находится валъ съ источникомъ весьма хорошей воды. Поверхность площади ровная, съ небольшимъ возвышеніемъ къ югу. Городокъ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, въ 10-ти саж. отъ небольшого болота. Насыпной валъ въ длину имѣетъ 300 саж., а въ вышину 20 арш.; съ востока, сѣвера и запада этотъ валъ окруженъ ровомъ по 12-ти арш. въ глубину и ширину. На западъ, въ 1½ верст. отъ городища, въ полѣ, находятся двѣ группы небольшихъ кургановъ, — въ первой ихъ три, а во второй четыре. Не въ очень отдаленномъ прошломъ ихъ было гораздо больше, но они уничтожаются, мало по малу, отъ ежегоднаго подпахиванья. Можно надѣяться, что и сохранившіеся скоро сравняются съ землею . . . ⁵³⁾.

Грозное время Татарскихъ набѣговъ не благоприятствовало и церковной жизни гор. Карачева съ его уѣздомъ. Извѣстно, что г. Карачевъ находился въ то время въ вѣдѣніи Смоленскихъ архиепископовъ; во весь періодъ зависимости Карачева отъ Смоленской епархіи въ лѣтописяхъ ни разу не упоминается о томъ, чтобы Смоленскіе архиепископы когда-либо посѣщали нашъ край и лично обозрѣвали состояніе его церкви. Молчаніе объ этомъ лѣтописей, по всей вѣроятности, доказываетъ только то, что такихъ обозрѣній не было, да и быть не могло по обстоятельствамъ тогдашняго времени. Изъ предыдущаго видно, что предѣламъ нашего края тогда постоянно грозили съ одной стороны Литовцы и Поляки, съ другой — Крымскіе Татары; кромѣ того, лѣсное пространство отъ Смоленска до Карачева и Трубчевска наполнено было шайками воровъ и разбойниковъ, которые, подобно внѣшнимъ непріятелямъ, не щадили при своихъ грабежахъ никого и ничего, — грабили проезжающихъ, опустошали монастыри и церкви. Бѣдность цервей была поразительна: священные сосуды въ нихъ были обыкновенно деревянные и рѣдко оловянные,

⁵¹⁾ *Колцово* — по правую сторону почтоваго Трубчевскаго тракта въ 47 верст. отъ Карачева.

⁵²⁾ По правую сторону транспортной дороги изъ Орла въ Трубчевскъ, въ 43 верст. отъ Карачева.

⁵³⁾ *Хотимль* (Хотымъ) — по лѣвую сторону почтоваго тракта изъ Карачева въ Болховъ, въ 25 верст. отъ Карач. Подробно отъ этихъ кургановъ — см. „Матеріалы для Исторіи и Статистики Орловск. губ.“ А. Пупарева. Орель 1877 года, стр. 70 — 73.

священныя облаченія приготовлялись изъ льна, а иногда и изъ рогожи, какъ свидѣтельствуеть о томъ сохранившееся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ преданіе о полѣ Рогожкѣ⁵⁴). Священники ходили въ лаптяхъ, бараньихъ тулупахъ и ничѣмъ въ образѣ жизни не отличались отъ пахотныхъ людей. Но любовь къ иноческой жизни и въ это тяжелое для Карачевцевъ время не только не ослабѣвала, но, по видимому, усиливалась и создавала новые пріюты для искавшихъ созерцательной жизни и избѣгавшихъ суеты мірской. Такъ, кромѣ указанныхъ уже нами монастырей въ самомъ Карачевѣ, въ семи верстахъ отъ него, на рѣчкѣ Одринѣ, вмѣсто Рождественскаго дѣвичьяго монастыря, упразднившагося, вѣроятно, вслѣдствіе бурныхъ политическихъ обстоятельствъ, возникъ мужескій Николаевскій Одринъ монастырь, къ которому перешли все права на владѣніе Одринскою землею, завѣщанною княгинею Евпраксіею въ пользу дѣвичьяго монастыря и приходскаго (села Одрина) причта. Въ 1602 году во владѣніи братіи Одринскаго монастыря совмѣстно съ приходскимъ причтомъ состояло 4132 десятины.

⁵⁴) См. „Историч. Очерки г. Орла“ Г. Пясецкаго, стр. 119—120.

Бѣдствія смутнаго времени для г. Карачева и его уѣзда.

Положеніе г. Карачева при появленіи Лжедмитрія 1-го. — Пребываніе въ Карачевѣ Лжедмитрія II-го. — Стоянка въ Карачевѣ Московскаго войска. — Сраженіе подъ Болховомъ и переходъ Карачева подъ власть Лжедмитрія II. — Спустошенія въ Карачевскомъ уѣздѣ. — Занятіе Карачева Литовскими людьми. — Сраженіе подъ Орломъ. — Новое нашествіе Литовцевъ. — Малочисленность Карачевскаго гарнизона и совершенное раззореніе города. — Судьба Карачевскихъ монастырей и церквей.

Смутное время Самозванцевъ отозвалось на городѣ Карачевѣ большими бѣдствіями, чѣмъ все погромы Татарщины. Извѣстно изъ исторіи, что разстрига-діаконъ Гришка Отрешевъ, спасаясь отъ преслѣдованія царя Бориса Годунова, бѣжалъ изъ Москвы въ Карачевъ, а изъ Карачева, на нанятой имъ подводѣ, — въ Брянскъ и далѣе въ Литву. Возвращаясь изъ Литвы съ набраннымъ противъ царя Бориса войскомъ, онъ былъ задержанъ подъ Новгородѣверскомъ. Въ это время чрезъ Карачевъ къ Брянску постоянно проходили полки царя Бориса. Сѣвскъ и Кромы тогда же поддались Лжедмитрію I-му; но Карачевцы, находясь въ тылу Московскаго войска, оставались вѣрными присягѣ, данной Годуновымъ, до тѣхъ поръ, пока не перешла на сторону Самозванца вся Московская рать, стоявшая подъ Кромами. Тогда, наконецъ, вмѣстѣ съ Орлянами и жители Карачева поднесли самозванному царевичу хлѣбъ-соль и, съ колокольнымъ звономъ, провозгласили воцареніе Самозванца. Первая гроза смутнаго времени прошла для города Карачева благополучно; жители его уѣзда не раздѣляли участи съ своими сосѣдями — сѣвчанами и кромчанами, которыхъ Московскіе воеводы за преданность Самозванцу подвергали всевозможнымъ истязаніямъ: вѣшали по деревьямъ, били колыями, разстрѣливали изъ луковъ, топили въ рѣкахъ и т. п. Болѣе видную роль пришлось имѣть Карачеву при Лжедмитріѣ II-мъ, и за то выпало тогда на долю карачевцевъ много бѣдствій.

Объявившись въ Стародубѣ Сѣверскомъ, Лжедмитрій II съ небольшимъ отрядомъ *волгицы*, состоявшей изъ Литовцевъ и казаковъ, чрезъ Брянскъ двинулся на Карачевъ, взялъ его и повернулъ оттуда къ Козельзу. На этомъ пути онъ встрѣтился съ Московскимъ отрядомъ; произошла битва, и Московскіе люди были разбиты Самозванцемъ. Послѣ этой удачи Самозванецъ съ значительною добычею возвратился въ Кара-

чевъ и, какъ видно, думалъ сдѣлать его временною своею резиденціею, пока подойдутъ къ нему подкрѣпленія изъ Литвы и Польши; но тутъ Литовскіе люди, бывшіе съ самозванцемъ, заспорили изъ — за добычи и думали уйти отъ него. „Димитрій, говоритъ Костомаровъ, былъ не предприимчиваго и не храбраго нрава, и при томъ подозрителенъ.“ Онъ сообразилъ, что Поляки его оставляютъ, а русскимъ нельзя довѣряться. Взявши одного поляка, по имени Кроликовскаго, да нѣсколько московскихъ людей, онъ бѣжалъ тайкомъ въ Орелъ. Въ Орлѣ легъ онъ спать въ одной избѣ съ Кроликовскимъ и съ однимъ московскимъ человѣкомъ. Ночью московскій человѣкъ вынулъ ножъ, зажегъ свѣчу и пошелъ къ Димитрію. Но Димитрій не спалъ. Кроликовскій лежалъ, приклонивши голову на колѣнахъ Димитрія. Димитрій толкнулъ Кроликовскаго, тотъ вскочилъ, а московскій человѣкъ уронилъ свѣчу, поскорѣе легъ, и притворился спящимъ. На другой день Димитрій хотѣлъ бѣжать подальше. Но тутъ за нимъ прислалъ изъ-подъ Карачева Мѣховецкій, оставшійся при войскѣ и увѣщевалъ воротиться. Димитрій пробылъ съ недѣлю въ Орлѣ: раздумывалъ такъ-и-сякъ, и, наконецъ, воротился въ Карачевъ, но опять увидалъ, что поляки не слишкомъ расположены служить ему и думаютъ только о добычѣ, а московскіе люди готовы, при первомъ случаѣ, выдать его. Сообразивши все это, Димитрій опять тайно убѣжалъ. На дорогѣ съ нимъ встрѣтился нѣкто Валавскій, шедшій изъ Украины отъ знатнаго пана, князя Романа Ружинскаго, съ помощію въ тысячу человѣкъ; да Самуилъ Тышкевичъ, ведшій съ собою украинскую вольницу. Вслѣдъ за ними явились къ Димитрію изъ Браславскаго воеводства: Хмѣлевскій, Хруслинскій и князь Адамъ Вишневецкій. Съ этими новыми силами Димитрій воротился опять къ Карачеву ⁵⁵⁾. Теперь съ нимъ было уже до 15-ти тысячъ войска: тысячъ семь поляковъ да тысячъ восемь казаковъ, съ передавшимися на его сторону крестьянами. Съ этими силами, по совѣту Лисовскаго, Лжедимитрій выступилъ изъ Карачева къ Трубоческу, а отсюда устремился для завоеванія Брянска. Такъ какъ на помощь Брянску подоспѣли царскіе воеводы: бояринъ, князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ изъ Москвы и Литвинъ Мосальскій изъ Мещовска, то полчищамъ Лжедимитрія II не удалось овладѣть Брянскомъ. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ самозванцемъ князь Куракинъ, въ виду наступившей зимы, оставилъ Брянскъ, снабдивши его припасами, и засѣлъ въ Карачевѣ.

Въ свою очередь и Самозванецъ, не могши взять Брянска, отправился на зимовку въ Орелъ. Это было въ Декабрѣ 1608-года. Куракинъ въ Карачевѣ, а Лжедимитрій въ Орлѣ провели всю зиму, и, какъ видно, не безпокоили другъ друга, тѣмъ болѣе, что зима была тогда необыкновенно суровая и снѣговъ нанесло весьма много.

Къ Лжедимитрію подходили новыя подкрѣпленія изъ Литвы и Польши, а на помощь Куракину собиралась въ Волховѣ царская рать подъ предводительствомъ царскаго брата, князя Димитрія Ивановича Шуйскаго. Въ это время Карачевъ съ Волховомъ и Орелъ представляли изъ себя два враждебныхъ лагеря. Жителямъ Карачевскаго уѣзда

⁵⁵⁾ Вѣстникъ Европ. 1866 г. Сентябрь „Царь Василій Шуйскій и воры“ Н. Костомарова стр. 76.

приходилось теперь не разъ платиться за свою расположенность къ орловскому царю, который изъ Орла возбуждалъ ихъ подметными грамотами и льстилъ разными вольностями. Особенно свирѣствовала здѣсь татарская и мордовская конница, отправленная царемъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ въ Сѣверскую землю для грабежа и наказанія виновныхъ въ возмущеніи жителей.

Между тѣмъ, къ веснѣ 1608 года, въ Болховѣ и Карачевѣ съ ихъ окрестностями собралось уже до 70-ти тысячъ царскаго войска. Предположено было напасть на Лжедмитрія въ Орлѣ; при чемъ на помощь князю Дмитрію Шуйскому долженъ былъ выступить изъ Карачева и князь Куракинъ. Но Самозванецъ предупредилъ соединеніе своихъ враговъ, и 10 мая далъ битву Шуйскому верстахъ въ 10-ти отъ Болхова. Московское войско поколебалось, но, подоспѣвшій во-время съ свѣжими силами изъ Карачева, князь Куракинъ остановилъ усѣхи торжествующаго непріятеля. На другой день сраженіе возобновилось снова, и Московское войско было разбито на-голову. Тогда и Карачевъ съ Болховомъ дали присягу на вѣрность Лжедмитрію и служили ему людьми, разными припасами, подводами и деньгами.

Утвердившись въ Тушинѣ, близъ самой Москвы, Лжедмитрій II перехватилъ къ себѣ Марину Юрьевну Мнишекъ, бывшую въ замужествѣ за Лжедмитріемъ I; а отцу ея, Сивомирскому воеводѣ Юрію Мнишекъ, особою грамотою, въ числѣ 14-ти городовъ Сѣверскаго княжества, предоставилъ во владѣніе и городъ Карачевъ со всѣми его волостями ⁵⁶⁾. Впрочемъ, такъ какъ Самозванцу не суждено было царствовать на Москвѣ

скоро потомъ онъ былъ убитъ въ Калугѣ, то въ дѣйствительности Карачевъ и не подчинялся Юрію Мнишекъ. Кромѣ безчисленныхъ въ это время поборовъ въ пользу Лжедмитрія, Карачевскій уѣздъ страдалъ еще отъ польскихъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ независимо отъ Лжедмитрія. Онутошенія эти были такъ велики, что многія села были совершенно выжжены и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ почти не оставалось жителей.

Со вступленіемъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича бѣдствія смутнаго времени начали проходить, но надъ Карачевомъ долго еще тяготѣли политическія невзгоды. Карачевъ все еще находился въ рукахъ Литовцевъ, а потому и не могъ участвовать вмѣстѣ съ Брянскомъ, Мценскомъ и Ливнами въ самомъ торжествѣ избранія на престолъ Михаила Ѳеодоровича. Къ тому же и Крымскіе татары, пользуясь „безнарядьемъ“ въ Московскомъ государствѣ, въ 1614 году, открыли губительныя свои набѣги на Карачевскій уѣздъ, — побрали много въ плѣнъ людей, а села пожгли. Въ числѣ наиболѣе пострадавшихъ селъ—по писцовымъ книгамъ—были: село *Муратово* съ церковію св. великомученика Никиты; *Новоселки*, на рѣкѣ Вытебеди, съ церковію св. Дмитрія Солунскаго и съ придѣломъ Стратотернца Христова Георгія; *Хотимль*, на колодцѣ (ручѣ) Хотимскомъ съ церковію Успенія Пресвятыя Богородицы и съ придѣломъ св. Пятницы (Параскевы -- празди. 28 окт.); погостъ на рѣчкѣ Рыдани съ Пятницкою же

⁵⁶⁾ Собран. госуд. грамотъ и договоровъ ч. II стр. 362 — 3. Жалованная грамота отъ 1609 года № 180.

церковію; *Уское*, на рѣчкѣ Слѣнѣ-Челищѣ, Неучитковское (?) тожь, съ церковію Рождества Пресвятыя Богородицы; *Кислино* — съ Богоявленскою церковію; село *Никольское*, Сомово тожь, съ церковію св. Чудотворца Николы; *Льски* — съ церковію во имя Хлора и Лавра; *Соколово* — съ церковію Рождества Пресвятыя Богородицы. Всѣ эти села послѣ опустошительныхъ на нихъ набѣговъ обратились уже въ незначительные *погосты*, *поселки* и *починки*, гдѣ, по мѣстамъ, въ замѣнъ церквей воздвигнуты были часовни (напр. въ *Льскахъ*). Въ другихъ селахъ, какъ то: въ *Бурдьковѣ*, что подъ Бурдьковымъ лѣсомъ, съ церковію св. Николая Чудотворца; въ селѣ *Верховичахъ*, на Бѣломъ Колодцѣ, съ церковію Воскресенія Христова; въ *Льговѣ*, что на Выгебеди, съ церковію Живоначальныя Троицы и съ придѣломъ Крестителя Господня Іоанна Предтечи; въ селѣ *Петрушковѣ* съ церковію Рождества Христова да съ другою теплою — Живоначальныя Троицы съ придѣломъ святыхъ чудотворцевъ Космы и Даміана (въ имѣніи Семена Вережкина); въ селѣ *Работковѣ* съ церковію св. Николы Чудотворца, — хотя и уцѣлѣли церкви, почти всѣ построенныя „кѣтски“, но всѣ онѣ стояли безъ „пѣнія“, — потому что не откуда было получать священниковъ для этихъ церквей ⁵⁷⁾, такъ какъ сношенія города Карачева по дѣламъ церковнымъ съ своимъ кафедральнымъ городомъ Смоленскомъ прекратились ео времени осады и взятія послѣдняго польскимъ королемъ Сигизмундомъ III

Такимъ образомъ нужно было очищать Московское государство отъ многочисленныхъ враговъ. Въ томъ числѣ надо было выручать и городъ Брянскъ, томившійся въ осадѣ отъ Литовскихъ людей. 23-го Декабря 1614 года велѣно было мценскому воеводѣ, князю Юрію Ивановичу Шеховскому идти въ Карачевъ и тамъ собраться съ силами на помощь Брянску. Но въ то время, какъ Шеховской медленно собирался съ своею ратью, Литовскіе люди, какъ доносилъ послѣ изъ Болхова воевода Степанъ Волинскій, — пришедши изъ-подъ Брянска къ Карачеву *безвѣстно*, взяли городъ, перебили ратныхъ людей, захватили въ плѣнъ самого воеводу Шеховскаго и утвердились въ Карачевѣ. Во главѣ засѣвшей тогда въ Карачевѣ дружины стоялъ отважный литвинъ полковникъ Лисовскій. Нужно было очищать теперь и самый Карачевъ.

И вотъ, 13 Іюня 1615 года посланъ былъ противъ Лисовскаго подъ Карачевъ и Брянскъ знаменитѣйшій воевода того времени, бояринъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, съ воеводою Степаномъ Ивановичемъ Исленьевымъ да дьякомъ Семеномъ Заборовскимъ; съ ними было до семи тысячъ человекъ. Когда Лисовскій узналъ, что изъ Болхова противъ него идетъ Московское войско, то, не желая выдерживать осады въ Карачевѣ, зажегъ городъ и бѣжалъ въ Орелъ. Изъ Карачева къ Орлу онъ шелъ „верхнею д рогою“ и, не доходя нѣсколькихъ верстъ до Орла, встрѣтился съ передовымъ отрядомъ князя Пожарскаго, находившимся подъ начальствомъ воеводы Исленьева, и обратилъ его въ бѣгство. Затѣмъ напалъ на самаго Пожарскаго, съ которымъ въ это

⁵⁷⁾ „Списокъ съ выписи писцовыхъ Карачевскихъ книгъ письма и мѣры писца Константина Пущина да подъячаго Бориса Иванова“ 1626 г.

время оставалось всего до шестисотъ человекъ;— бой былъ упорный, но не равный... Одушевляя немногочисленныхъ своихъ соратниковъ, Дмитрій Михайловичъ говорилъ имъ: „всѣмъ намъ помереть на этомъ мѣстѣ“!... Огородившись телѣгами, онъ отбилъ всѣ приступы непріятеля, численность котораго простирилась до трехъ тысячъ человекъ. Тогда Лисовскій, прекративъ бой, раскинулъ свой станъ въ 2-хъ верстахъ отъ Пожарскаго. Между тѣмъ ночью успѣли собраться въ обозъ Пожарскаго бѣглецы, и Пожарскій двинулся на Лисовскаго. Послѣдній не осмѣлился дать ему битву, поспѣшно снялся съ лагера и отступилъ къ Кромамъ, а изъ Кромъ, мимо Карачева и Болхова, бѣжалъ за предѣлы нашего края. Такимъ образомъ Карачевъ былъ очищенъ отъ „лисовчиковъ“. Но въ слѣдующемъ, 1616 году, Литовцы опять наводнили Карачевскій уѣздъ и овладѣли самимъ городомъ; при чемъ Карачевскій воевода Григорій Феодоровичъ Колтовскій былъ убитъ. Снова противъ литовцевъ отпращены были изъ Москвы воеводы Михаилъ Дмитріевъ и Дмитрій Скуратовъ. Въ происшедшемъ близъ города Болхова сраженіи воевода Дмитріевъ палъ, но Московскимъ людямъ удалось все-таки прогнать изъ нашихъ предѣловъ Литовцевъ. Повоевавъ Карачевскія и Кромскія мѣста, Литовцы удалились къ Курску.

Какъ велико было разореніе въ это время Карачевского уѣзда, видно изъ того, что въ 1616 году при воеводѣ Иванѣ Юрьевичѣ Ловчиковѣ, преемникѣ убитаго Колтовскаго, въ городѣ Карачевѣ находилось всего 35-ть человекъ стрѣльцовъ да 70 человекъ казаковъ. Въ 1617 году, по случаю продолжавшейся войны съ Литвою и Польшею, ступуты были въ городъ всѣ силы уѣзда, и вотъ эти силы: дѣтей боярскихъ— Карачевцевъ 196 чел., стрѣльцовъ—11 чел., казаковъ—15 чел., пушкарей—4 и посадскихъ людей 5 человекъ; всего 231 чел. Въ виду такой малочисленности карачевского гарнизона вѣрно было послать сюда съ Черни ⁵⁸⁾ сто человекъ казаковъ; и того, слѣдовательно, въ городѣ Карачевѣ было 331 человекъ. Острога, т. е. крѣпости карачевской, теперь уже не существовало; оставалась одна только *осынь*; возобновлять же городъ было не по средствамъ уѣзда... Потому—то въ Октябрѣ 1618 года бояре приговорили разорить вовсе Карачевъ, а людямъ, въ немъ находившимся, вѣрно было перейти въ г. Болховъ. По отпискѣ карачевского воеводы, князя Романа Ивановича Гагарина, въ это время было въ Карачевѣ: дѣтей боярскихъ 16 человекъ, стрѣльцовъ—11, казаковъ—15, пушкарей—4 и посадскихъ людей 3 человека.

Когда, такимъ образомъ, замерла въ Карачевѣ политическая жизнь,—не стало въ немъ церквей и монастырей. Инокъ Воскресенскаго монастыря или Тихоновой пустыни нашли себѣ пріютъ въ Свѣнскомъ монастырѣ, въ синодикѣ котораго подъ 1626 годомъ записано имя Карачевского Воскресенскаго монастыря игумена Павла съ родомъ его, а другой карачевскій черныи священникъ Иона былъ даже свѣнскимъ игуменомъ между 1624 и 1640 г. ⁵⁹⁾ Крестыиане бывшаго Воскресенскаго монастыря частію были из-

⁵⁸⁾ Нынѣ городъ тульск. губ.

⁵⁹⁾ „Брянскій Свѣнск. Успенск. мон.“ Архимандр. Герооен, стр. 181—184.

биты, а частію взяты въ плѣнъ, и монастырскія земли никѣмъ не обрабатывались. Мельница монастырская, стоявшая подъ монастыремъ на р. Свѣжети, была сожжена Литовскими людьми. Дворъ монастырскій—на самой городской осыпи—былъ сожженъ и отъ него оставалось пустопорожнее мѣсто, имѣвшее въ длину 13 саж., а поперегъ—10. Точно также и подворье Свѣвскаго монастыря, находившееся на карачевской городской осыпи, было уничтожено; оно имѣло 11 саж. длины и 8—поперекъ. Церковь страстотерца Димитрія Солунскаго утратила также свою женскую обитель; отъ нея осталось „порозжее“ мѣсто въ 35 саж. длины и 28—поперечины, гдѣ жили прежде *черницы*. Точно также не стало въ Карачевѣ церквей: св. Великомученика Георгія, святыхъ Жень Муроносицъ, церкви св. Пророка Иліи съ домомъ при ней, гдѣ жили „нищіе“ и „кормились“ отъ церкви Божіей, и церкви Успенія Пресвятыя Богородицы. Наконецъ и келіи, находившіяся при церкви Живоначальныя Троицы въ с. Льговѣ и, вѣроятно, служившія пріютомъ для иноческой жизни, были разорены такъ, что отъ нихъ оставалось лишь два пустопорожнихъ мѣста ⁶⁰⁾.

И такъ, въ 1618-мъ году на мѣстѣ древняго Карачева видны были лишь груды пепла и развалинъ,—нѣмые и плачевные памятники кипѣвшей здѣсь нѣкогда жизни и дѣятельности! Впрочемъ, какъ увидимъ далѣе, городу Карачеву суждено было не долго лежать подъ своими развалинами.

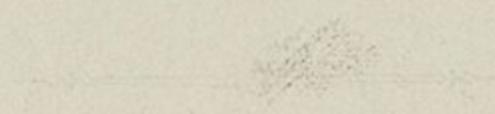
К О Н Е Ц Ъ 1-й Ч А С Т И.

Перепечатано изъ Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1888 года.

⁶⁰⁾ „Списокъ съ выписи писцовыхъ карачевскихъ книгъ письма и мѣры писца Констант. Пущина“... 1626 г.

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

Faint, illegible text at the bottom of the page, possibly bleed-through from the reverse side.

